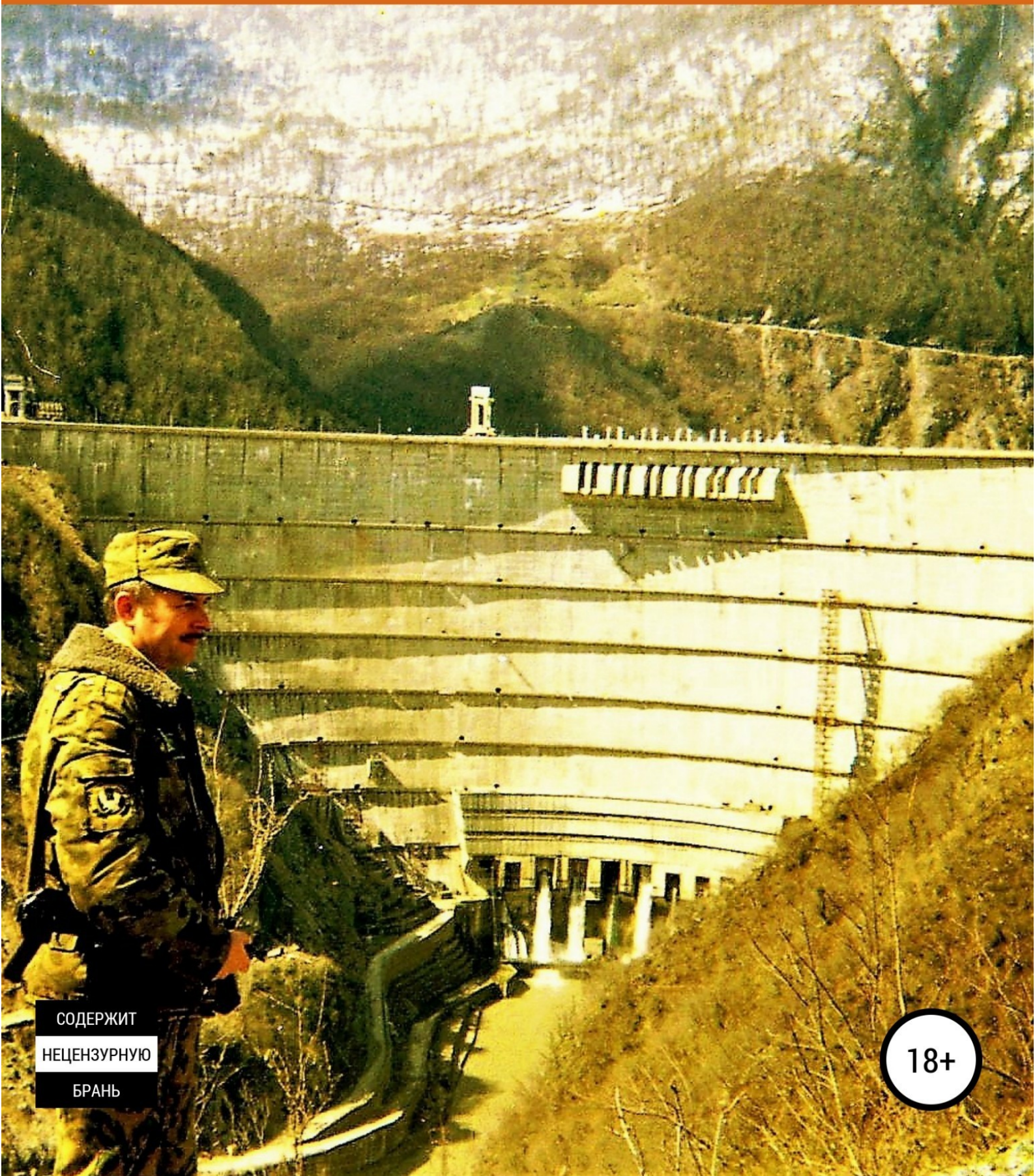

Борис Цеханович

Горячая точка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Цеханович

Горячая точка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Цеханович Б. Г.

Горячая точка / Б. Г. Цеханович — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Абхазия, Зона Грузино-Абхазского конфликта. Горячая точка. Интриги, грязная подковёрная борьба, высшая политика и интересы разных государств и сил, столкнувшиеся в борьбе на этом пятачке земли и офицеры, солдаты-миротворцы внутри этой грязной борьбы, прилагающие все свои усилия для предотвращения войны, несущая кровь и несчастья как для простых абхазов, так и для грузин. Реальные события и реальные герои за 10 лет до военных действий между Россией и Грузией в 2008 году. Содержит нецензурную брань.

© Цеханович Б. Г., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Часть первая

Нелепо взмахнув руками и попытавшись в безуспешной попытке ухватиться за поручни, я начал вываливаться из тамбура вагона, мгновенно поняв, что при падении на острую щебёнку и с приличной высоты, сейчас что-нибудь себе сломаю или же напрочь разобью голову.....

.....А ведь как всё хорошо начиналось. Две недели назад я в подавленном состоянии сидел в своей канцелярии, тоскливо размышляя о зашедшей в тупик жизненной ситуации.

– Ну, майор. Ну..., командир самоходно-артиллерийского, хоть и кадрированного, но всё-таки дивизиона. Есть двухкомнатная маломерная квартира, но уже десять лет стою на расширении, из них последние два года – первым. Но, без стыда и совести, обходя меня, получают трёхкомнатные квартиры более хитрожопые. Дают взятки, стряпают фиктивные медицинские справки, из которых все вдруг узнают, что у них дети «смертельно больны» или же сами «почти одной ногой стоят в могиле». Противно всё это. Противно оттого ещё, что с этими людьми не один гекалитр водки выпит, ни один пуд соли съеден, да и дни прошедшей чеченской войны так просто из жизни не вычеркнешь. Каждый день, сталкиваясь с ними в полку, я здоровался сквозь зубы и старался побыстрее уйти от них. Дома тоже было не всё в порядке, где были частые конфликты с женой, которая считала меня неудачником и не способным решить квартирный вопрос. Вместе с нами проживает мать жены, занимающая одну из двух комнат. Вроде бы тихая старушка, но этот «божий одуванчик» храпела по ночам, как здоровенный грузчик и так получалось, что дети спали вместе с нами во второй комнате. Естественно, ни о каком нормальном сексе речи не могло идти. Конечно, можно было бы завести на стороне любовницу, но совсем не хотелось таким путём решать этот вопрос, да и не сторонник я так решать проблемы. Надо добавить, что Чеченская война тоже не придала семейным отношениям ещё большей гармонии, а только ухудшила. Жена категорически не хотела даже слышать о войне, считая, что если она ничего не слышит о Чечне или мы не обсуждаем прошедшие военные события – значит, её не было. Не понимая того, что прошедшая война стала самой яркой, самой трагичной страницей моей жизни, которую невозможно переписать или просто выкинуть, куда-нибудь на свалку. Усугубляли семейные отношения и то, что у нас периодически задерживали выплаты денежного довольствия. Валя работала бухгалтером в частном предприятии, хорошо получала и часто говорила: – Ты, мол, не беспокойся. У меня зарплата хорошая – проживём. Служи спокойно.

Я и служил. Другие офицеры, у кого жёны не работали, сами по ночам работали или «бомбили» на своих стареньких машинах и приносили домой хоть какие-то деньги – тем и перебивались. Мы же на зарплату жены жили неплохо, но со временем она стала свысока поглядывать на меня и частенько намёками давала понять, что в семье она главная и кормит всех только она. Ещё немного и она вполне серьёзно заявит, что я дармоед и сию у неё на шее.

До пенсии оставалось два с половиной года и перспектив в росте и в карьере тоже никаких. Служба у меня проходила в кадрированном полку и для многих офицеров с развёрнутых полков она казалась мёдом, но это только если смотреть со стороны. Спокойная, размеренная жизнь кадрированного полка угнетала, не давая развернуться. Конечно, я старался – работал. Раз нет солдат и техника стоит в хранилищах на длительном хранении, то всю свою энергию направил на учебно-материальную базу дивизиона и экипировку. Результат был налицо – через полгода у меня была лучшая артиллерийская экипировка и учебно-материальная база в дивизии. Немного порадовался этому и впал в ещё большую меланхолию. Всё это было не то. Хотелось большего, но я уже был по армейским меркам стар и никуда не годился. Да..., был почёт, было заслуженное уважение, авторитет, но что жить старым, когда нужно идти к новым рубежам и доказывать всем, что тебя, в сорок три года, ещё рано списывать...

С такими мрачными мыслями сидел в своём кабинете и равнодушно глядел в окно с четвёртого этажа, разглядывая активную суетню солдат и офицеров, с муравьиным упорством устанавливающих палатки для приёма приписников. Я тоже должен был там бегать и суетиться, но не было абсолютно никакого желания и продолжал сидеть на стуле, всё чаще и чаще возвращаясь к мысли, что пуля в висок самый лучший выход из создавшейся ситуации.

Чёрт знает, до каких бы мыслей додумался, и чтобы сделал, но дверь широко распахнулась и в канцелярию с шумом ввалился жизнерадостный подполковник Миронов.

– Боря, всё хандрить? Пялишься бездумно в окно... – подполковник по-хозяйски расположился напротив и внимательно поглядел на меня весело искрящимися глазами, – Ладно, Боря... Хорош тосковать. Я к тебе с деловым предложением пришёл – на миллион долларов.

Я тяжело вздохнул и повернулся к товарищу: – Если, Аркаша, ты пришёл денег попросить – то зря. Нет у меня денег и ты прекрасно об этом знаешь.

Миронов дурашливо наклонился к сейфу и любовно погладил его холодную металлическую поверхность: – Да знаю, что у тебя денег нет. Но также знаю, что в сейфе у тебя есть бутылка коньячка. Причём приличного...

Улыбнувшись и оценив дружеский подхалимаж, открыл сейф и достал бутылку действительно приличного коньяка: – И откуда ты всё это-то знаешь, Аркадий? Непонятно!? Ну, да ладно – тебе сегодня повезло. Настроение у меня хреноватое, так что давай – выпьем. Только вот закусить у меня нечем.

Но Аркашу отсутствие закуски не огорчило – с тем же энтузиазмом и энергией он «хлопнул» залпом пахучую жидкость, зажмурился от удовольствия и ещё больше заулыбался.

– Боря, я не буду у тебя занимать денег, а наоборот предложу тебе этот миллион, а то и несколько миллионов.

Внимательно и долгим взглядом посмотрел на Миронова. Служит он у нас уже около года. Подполковник, но «лежит» на майорской должности начальника штаба зенитно-ракетного дивизиона. Поговаривали, что «летал» он очень высоко и очень «далеко», но за какие-то тёмные дела слетел с высокой должности и был отправлен к нам – в ссылку. Мужик компанейский, вроде бы открытый, не жадный, любитель погулеванить – но иной раз его слова, поступки заставляли более внимательно приглядеться к нему и тогда из-за показной простоты, бесшабашности выглядел хищник, который запросто мог «разорвать» любого, кто станет на его пути.

– Аркаша, всё что угодно, но только на криминал меня не толкай, – я снова наполнил солдатские кружки и чокнулся с товарищем.

Миронов снова лихо выпил коньяк и отодвинул кружку на край стола: – Боря, не бойся. Мужик ты нормальный. И что мне в тебе нравится – так это твои принципы. Нормальные, такие жизненные принципы, которых твёрдо придерживаешься. Ты прекрасно знаешь – «что такое хорошо и что такое плохо». Поэтому прямо идёшь по жизни, не виляя ни вправо, ни влево. За что тебя не только я уважаю, но и многие другие офицеры. У меня так, к сожалению, не получается – вечно перегибы, причём явно не в ту сторону. И рано или поздно я влечу и влечу... капитально. А с плохим я к тебе бы и не пошёл, знаю – послал бы ты меня подальше, да ещё и на три, а то и больше букв....

– Многозначительное начало, Аркадий, – воспользовался паузой и немного плеснул в кружки, – за это тоже стоит выпить.

Выпив и одобрительно взглянув на меня слегка захмелевшим взглядом, товарищ продолжил: – Я ведь, Боря, не собираюсь «лежать» на должности начальника штаба дивизиона долго у вас в полку. Для начала надо отсюда выбраться, поэтому через свои знакомства в штабе округа пробил себе длительную командировку в миротворческие войска в Абхазии. Должность – «не бей лежачего». Оперативный дежурный объединённого штаба миротворцев. Полгода в Сухуми. Потом ещё можно продлить командировку и оттуда «скакануть» уже в другое место.

Штаб стоит на территории военного санатория, море в 50 метрах от гостиницы, где располагается сам штаб и там же живут офицеры. Раз в три дня суточное дежурство и не особо обременительные обязанности между дежурствами. Здесь идёт полуторный оклад, там платят полтора миллиона командировочных и ещё 22 бакса суточных от ООН. Красота....

– Красота..., – поддержал товарища и всё-таки недоумённо протянул, – ну, а я то тут причём?

– Вот к этому я и веду. Вижу, что ты последнее время ходишь «Смурной», часто сидишь в кабинете и бездумно пялишься на сосны за окном. Главное – понимаю, что тебя гложет. Поэтому и решил тебе помочь. Командировку-то я себе пробил, но мне сегодня утром друганы с округа предложили другой вариант – с более заманчивыми перспективами и я согласился. Но свою командировку хочу предложить тебе. Съезди ты в Абхазию – развейся. Вернёшься через полгода, отдохнувшим от этих своих проблем и жизнь другим боком к тебе повернётся...

Я в изумлении воззрился на товарища и с минуту молчал, переваривая неожиданное предложение. Действительно это была для меня прекрасная возможность выйти из создавшегося психологического тупика. Но себя сразу же охладил.

– А что ты хочешь за это взамен, Аркадий? – Задал настороженно вопрос.

Миронов искренне рассмеялся: – Боря, как это ни странно – Ничего... Ну, естественно..., когда все вопросы с командировкой решишь – накроешь хорошую поляну и – Всё. Выпьём, а?

Я задумчиво забарабанил пальцами по крышке стола и стал рассуждать в слух: – ...Ну, допустим, я согласился... Но ведь командир полка упрётся. Хотя..., Венедиктов скоро уйдёт и ему в принципе наплевать, где я через месяц буду – в полку или в Абхазии. Так, с Венедиктовым всё решу. Ну, моё артиллерийское начальство, особо Шпангель, ну... он точно ведь упрётся рогами и ни в какую. Да..., как бы мне не хотелось, но этот номер у меня не пройдёт, но за предложение и заботу обо мне – Спасибо, Аркадий. – С сожалением протянул я и щедро разлил остатки коньяка.

– Боря, не бери в голову и заранее не тоскуй. Ты только реши свои проблемы с командиром полка, а я организую через окружников так, чтобы вызов тебе пришёл без всякой огласки. Все встанут перед фактом, а твой генерал Шпангель узнает о твоей командировке, когда ты будешь уже в Абхазии....

...Так оно и произошло. Командир полка задумчиво посмотрел на меня, чуть съехал по сиденью стула ниже и, поглядев в окно долгим взглядом, задумчиво протянул: – Езжай, Боря, с богом – отдохни... Тебе это нужно.

С остальными тоже всё сладилось нормально. Миронов заранее меня предупредил о приходе приказа в полк об отправке и я втихую рассчитался. И как только пришло само приказание, буквально на следующий день выехал в командировку. С женой тоже всё прошло спокойно. Валя, наверно, тоже устала от таких наших отношений, поэтому отпустила меня, может быть, даже с некоторым облегчением. Трое суток спокойного движения по железной дороге, один в купе, неспешное употребление пива на всех станциях сделало путешествие приятным и незаметным по времени. Последняя ночь промелькнула совсем быстро за чтением захватывающего детектива и потягиванием крепённого винца. Простучали колёса на стрелках Сочи, через три часа в предрассветной тьме потянулись окраины Адлера, а ещё через двадцать минут вагон в последний раз дёрнулся и остановился на четвёртом пути. Я через плечо уставшей от ночного бдения проводницы выглянул на улицу, окинул любопытствующим взглядом пристанционное хозяйство и мимо посторонившейся женщины двинулся к ступеням вагона. Вот тут то и поскользнулся. Нелепо размахивая руками, я пытался зацепиться за что-нибудь или хотя бы замедлить падение из вагона. Но было поздно – я выпал в наружу и полетел на острую щебёнку, как по закону подлости – головой вниз. Тоскливо мелькнула мысль: – Всё..., командировка закончилась...!!!

Но мой ангел хранитель, не дал всё испортить. Неожиданно откуда-то сбоку вынырнул приземистый военный в камуфляже с объёмистыми сумками в руках и я рухнул прямо на него, завалив незнакомого военного на соседние рельсы, чем смягчил себе до минимума падение. Нагло опершись на его спину, я бодренько вскочил и стал помогать подняться барахтающемуся под грудой своих и моих вещей вояке. Ого, да это же тоже майор.

– Ты кто такой, майор? – С апломбом и требовательно «наехал» я на него.

– Я – Рома, – неуверенно пролепетал ошалевший офицер.

– Ну, а я – Боря. Куда путь держишь, Рома?

– В Сухуми, – прошелестел растерянный от моего напора майор.

– О..., коллега. Я ведь тоже в Сухуми еду. Ну, это надо обмыть, – Подхватил свои вещи, помог Роману и решительно потащил его через рельсы за собой к видневшемуся на перроне хлипкому, стеклянному сооружению с гордой вывеской «Кафе». По дороге выяснил, что Рома тоже едет в Сухуми служить в штабе, только если я буду там оперативным дежурным, то Рома – начальником автомобильной службы миротворцев. Кафе было открыто, но здесь Рома неожиданно заупрямился и закрыл ладонью стакан, когда я стал наливать водку: – Я не пью....

– Ты, что «кодированный»? Ну, ты даёшь, а вообще-то, как хочешь, а я выпью....

Мы просидели в кафе до половины девятого, а затем двинулись на границу, которая как нам сказали находилась на окраине города. От вокзала до неё доехали на обычном автобусном маршруте и на конечной остановке вылезли прямо в толчею городского рынка. Не без труда протолкались через толпы грузчиков и располагающихся на своих местах торговцев, вышли к противоположному краю обширного рынка, где в пятидесяти метрах находилось пограничное КПП и сама граница с Абхазией. Здесь тоже активно крутился людской водоворот. С нашей стороны грузчики и приёмщики, а через КПП с Абхазской стороны катил поток доверху нагруженных тележек, повозок с мандаринами и другими сельхоз продуктами, которые трудолюбиво волокли женщины, дети и старики сюда же на рынок. Взрослых мужчин среди них видно не было. Быстро и благополучно пересекли пограничный мост через реку Псоу. Пограничники лишь лениво проглядели наши документы. Опять с трудом протолкались через встречный поток жаждущих доставить свой товар на русскую сторону и здесь столкнулись со старшим лейтенантом десантником. Он ехал к себе в полк в Гудауту. Вместе наняли такси и помчались в Сухуми. Рома задремал, старлей молча сидел впереди. А я с любопытством смотрел по сторонам. Впрочем, смотреть было не на нечего. Пустынная дорога. Машин очень мало. Справа и внизу до самого горизонта располагалось Чёрное море и смотрелось в такой пасмурный день отнюдь не чёрным, а каким-то невзрачным бутылочным цветом. А слева тянулись бесконечные склоны высоких, скалистых холмов, поросшей разнообразной южной растительностью. Промелькнули такие же пустые улицы Гагры, потом в стороне заброшенного вида Пицунда. Заехали в Гудауту, десантник ушёл, а я пересел на переднее сиденье и разговорился с таксистом. Узнав, что мы будем служить миротворцами и в Сухуми, ему уже и не надо было задавать вопросы – он сам стал рассказывать о недавних событиях и о войне с Грузией. Сам он отвоевал от первого до последнего дня, поэтому рассказывал со знанием дела и подробно.

– Грузины, подлещы, как фашисты внезапно напали. Их танковая колонна и войска рванули из района Зугдиди и помчались в сторону Сухуми. Там от границы до Сухуми 150 километров и они промчались буквально за несколько часов. Наши только и успели собрать человек четыреста и кое как вооружить их. Даже с двухстволками выходили и занимали позиции. Но свою роль они сумели сыграть. Задержали грузин, а в это время спешно оборону занимали уже в городе.

Только успели занять оборону, а тут уже подваливают танки, БТРы, артиллерия, войска... А у нас ведь ничего не было. Так..., автоматы, немного пулемётов... Так..., ещё кое что покрупнее и всё. Вот нас оттеснили на противоположную окраину Сухуми. Да что там оттеснили... Выбили. Откатились мы ещё на километр и встали насмерть. И всё... И ничего не

сумели грузины сделать. Так полтора года и стояли. Конечно, не просто так стояли. Копили силы. Пару раз пытались наступать, но...., чёрт, неудачно. А грузины тем временем высадили морской десант в Гаграх и вполне успешно заняли всю территорию до самой русской границы, и стали наступать в сторону Гудауты. Вот тогда дела были. Они до самой Гудауты дошли и тут мы сумели их остановить. Зажали нас с двух сторон и если бы не аэродром десантников... Нам Хана была бы. А так через аэродром боеприпасы, продукты, раненых в Россию отправляли.

Подкопили мы сил и даванули на грузин со стороны Гудауты в сторону России. Славно так даванули, что грузины, бросая всё, бежали через границу в Россию и там сдавались вашим пограничникам. Только бы живыми остаться. А как там разобрались, уже начали наступать на Сухуми и погнали их назад в Грузию. Так раздухарились, что перешли границу и ворвались в Зугдиди. Еле наше командование нас оттуда вывело....

Конечно, рассказывал он азартно и интересно, и со своей точки зрения рядового войны, но уже позднее я узнал, что война проходила несколько не так, а очень трудно и драматично.

Чем ближе к Сухуми, тем всё чаще и чаще попадаются разрушенные дома и явственные следы недавно прошедшей войны. И если бы я не прошёл Чечню, то может быть и был поражён увиденным, а так спокойно смотрел на разрушения на окраинах Сухуми, на едва залатанные в асфальте дыры от воронок, на торчащие из асфальта оперения 82х мм мин и сравнивал всё это с Грозным. Да, накал боёв и боевых действий в Чечне был гораздо выше. Город тоже не блистал многолюдством и обилием машин. Таксист ехал по городу медленно и молча, давая нам возможность ощутить атмосферу, царящую в городе. Не знаю как Роман, но я внезапно ощутил себя в июле 41 года на улицах южного городка, где на заборах, стенах домов, висели плакаты и лозунги из тех времён, хватающие за душу – «Родина – Мать зовёт», «За Родину, За честь, За свободу», «Вступайте в ряды народного ополчения», «Мсти за горе народа» и другие. Проехали центр города, чуть спустились вниз, пересекли по каменному мосту небольшую речку и справа потянулся типичный забор из высоких металлических пик.

– Ну вот, ребята вы и приехали, – произнёс таксист и остановился у ворот из таких же пик, где мешками с песком были выложены пулемётное гнездо и позиции для нескольких автоматчиков. У ворот дежурили десантники в полном вооружении. Показали документы и через пару минут в сопровождение одного из них шли к штабу. По дороге боец рассказал, что это территория военного санатория Московского военного округа, а к нему примыкает ещё один санаторий, принадлежащий ракетным войскам стратегического назначения.

– Штаб находится в гостинице и там вы тоже будете жить, – закончил солдат и мы вышли к пятиэтажной гостинице.

Из начальства был только начальник штаба миротворческих сил в зоне Грузино-Абхазского конфликта генерал-майор Суконный. Ему и представились. Командующий миротворцев попал месяц назад в автомобильную катастрофу, здорово разбился и в Москве сейчас решался вопрос – Кто будет новым Командующим? Рома ушёл в номер обустраиваться, а я направился в оперативный отдел, где представился своему начальнику полковнику Максимову. Он сам приехал три дня тому назад с нашего округа из Чебаркуля. Я лично его не знал, но он звонил мне с Чебары и предложил ехать с Челябинска вместе. Я согласился, но из-за отсутствия билетов не получилось и он уехал на три дня раньше меня. Приняв доклад, он недовольно пробурчал: – Вот не поехал со мной и меня в поезде карточные шулера обчистили. Были бы вместе, мы им, блядь, устроили....

– Вот ещё..., на фиг мне это нужно..., сам влетел и меня припрёт бы..., – недовольно подумал я. В карты никогда не играл и не болел этим, ну а так пришлось выразить видимое сочувствие. Впрочем, полковник Максимов оказался впоследствии нормальным мужиком и начальником.

Поселили меня на втором этаже, в двухместном номере, где пока буду жить один. Сразу предупредили: холодную воду дают три раза в день, свет с утра и до одиннадцати часов вечера. За забор не выходить...

До обеда ещё успел обойти всю территорию санатория и мне здесь понравилось. Гостиница в пятидесяти метрах от моря, как и говорил Аркадий Миронов, и только выходишь на улицу, как сразу слышен шорох волн, набегающих на широкий галечный пляж. Тут же на пляжу стоит разрушенный во время войны огромный, закрытый пятидесяти метровый бассейн под морскую воду. Наверно зимой, в благополучные времена, здесь отдыхающие купались в комфортных условиях, а сейчас стоит расхераченный. За нашей гостиницей подымалось современное четырнадцатизэтажное здание ещё одной гостиницы. Два небольших рестораника, скорее даже кафешки, работающие по вечерам. Забегаловка – пельменная. Отличный компактный тренажёрный комплекс, правда самодельный, но качать там можно было практически все группы мышц. Несколько двухэтажных зданий, где размещались бойцы и остальные службы миротворцев. Большая столовая, как для солдат, так и для офицеров. Тут же питались и отдыхающие. У них сегодня было прощальный вечер в связи с закрытием сезона. Помимо штаба миротворцев, куда входило двадцать пять офицеров и прапорщиков, в санатории ещё располагался солидный узел связи с прямой связью с Москвой и президентом. Мы подчинялись лично Ельцину, а уж потом министерству обороны. Взвод десантников для охраны и обороны. Связисты, помимо узла связи, санчасть миротворцев, тыловые подразделения и сапёры. Всего, где то человек сто пятьдесят.

Вся территория была в экзотической, южной растительности и гляделась очень красиво.

После обеда меня начали вводить в курс дела и обстановку в Сухуми и Абхазии. А обстановка была – ещё та и то во.... Вроде бы мирная, но напряжённая, готовая в любой момент взорваться войной и смертью.

... – За ворота, товарищ майор, не выходите. – Инструктировал начальник оперативного отдела полковник Максимов, – выход только в составе группы и только с разрешения. Днём ещё можно ходить по улицам, а в восемнадцать часов наступает неофициальный комендантский час. Ни местные жители, ни мы вообще не выходим за пределы санатория в это время. На улицах города начинают править бал криминал, ну и силовые структуры. Там постоянно стреляют и что-то делают между собой... Ну, это их жизнь. Но к нам, миротворцам, они не лезут.

Так с Сухуми разобрались. До границы с Грузией здесь 150 километров. Если в Сухуми ещё ничего, более-менее мирная обстановка, а вот начиная от Очамчыры. Там практически партизанская война. Днём ещё худо-бедно милиция абхазская рулит, а ночью они запираются в своих опорных пунктах и вся инициатива переходит к грузинским партизанам. Неделю назад у нас пехота подорвалась. Слава богу, никого не убило, но командиру взвода ногу по колено оторвало. Сейчас у нас тут, в санчасти, лечение проходит. Патрулировали, сделали привал около брошенного дома и развели в камине огонь. А там мина, ну грохнуло их. Хорошо радиостанцию не повредило и вовремя помощь вызвали. Так что там обстановка очень напряжённая. Видел, какие пустые улицы в Сухуми? А там, в Гали, жителей вообще почти нет. Грузины на той территории составляли в прошлом большинство, а с окончанием войны они ушли на территорию Грузии. Остались только абхазы и грузины, которые живут вдоль самой границы.

– Дальше. После войны между Абхазией и Грузией, после заключения международных соглашений по прекращению вооружённого противостояния, в зону Грузино-Абхазского конфликта летом 1994 года были введены российские миротворческие подразделения, которые развели по обе стороны реки Ингури воюющие стороны. Образовав тем самым две зоны безопасности – Северную и Южную. Каждая шириной по 12.5 км. Река Ингури является границей зон и одновременно границей между Грузией и Абхазией. Северная зона безопасности располагается на территории Абхазии и здесь стоят два батальона: десантный батальон из Гудауты в Гали и в селе Чибурхинджи мотострелковый батальон из Точкого. И вдоль дороги от Гали

до Чибурхинджи ещё стоят миномётная батарея и сапёрная рота. Всей этой зоной руководят начальник оперативной группировки Северная и его начальник штаба. Как правило, на эту должность приезжают в командировку офицеры на полгода, после чего проходит их ротация.

В Южной Зоне Безопасности, на территории Грузии располагается мотострелковый батальон, тоже из Точкого, и он контролирует свою территорию. Здесь также всем рулят начальник Южной Зоны Безопасности и начальник штаба. Но здесь есть свои нюансы: если на должность начальника Зоны Безопасности приезжает специально назначенный офицер, то на должности начальника штаба стажируются наши офицеры из оперативного отдела штаба миротворцев – каждый по месяцу. Это, конечно, неправильно. За две недели до твоего приезда в Сухуми, для прохождения службы прибыл подполковник Буйнов. Мы его сразу же заслали на должность начальника штаба Южной Зоны Безопасности и командованием было принято решение, что он там будет служить тоже полгода.

Теперь, чем ты будешь заниматься. Дня через три пойдёшь помощником оперативного дежурного. Сходишь один раз, войдёшь в курс дела. Там ничего сложного нет, даже проще чем дежурство по полку. Следующее дежурство уже будешь нести самостоятельно. Сейчас вас тут оперов четыре человека вот и будете менять друг друга. Через недельку прибудет ещё один офицер – ещё реже ходить будете. Остальная работа, как в обычном оперативном отделе любой дивизии. Также постепенно оботрёшься. Между дежурствами будете летать или ездить с проверками блок-постов и батальонов. Ну и какие будут возникать по службе вопросы... там будем решать по мере поступления.

Вечером я накрыл стол в своём номере, достал несколько бутылок заранее припасённой в Екатеринбурге водки и уже в неофициальной обстановке представился офицерскому коллективу объединенного штаба. Приняли меня хорошо и я плавно вписался в коллектив штаба. Помимо меня в оперативном отделе служили ещё четыре офицера, все подполковники: подполковник Буреев мой тёзка, Паша Мошкин, Володя Петров, Володя Буйнов, который сейчас работает в Южной Зоне. Все были со штабных должностей, закончили в разное время академии и здорово «шарили» в штабных документах, запросто обсуждая между собой, те или иные приказы министра обороны, регламентирующие различные аспекты армейской жизни. Номера приказов, их названия и содержания прямо сыпались из них как из рога изобилия, что приводило меня в отчаяние, так как я их, то есть приказы, не любил читать и не переносил на дух.

Следующий день до обеда я добросовестно пытался влиться в работу отдела. Буреев, Мошкин и Петров легко и живо, перебрасываясь непринуждёнными шутками, работали над штабными документами, а я маялся и тихо впадал в отчаяние, понимая, что никогда не смогу так легко работать. Но, слава богу, сегодня была суббота, то есть короткий день и после обеда мы поехали в баню к пограничникам, а по возвращению пошли в кафешку и неплохо там посидели.

По воскресеньям миротворцы традиционно, в организованном порядке, выезжали на Сухумский рынок. И в этот раз мы набились в небольшой кунг и через десять минут езды в неудобных позах и тесноте, выгрузились перед рынком. Это наверно было единственное место в городе, где вполне оживлённо и деловито роился народ. Меня сначала повели в рыночную забегаловку к Катерине. Они ещё вчера расхваливали мне, как вкусно и дёшево она готовит мясные блюда и посещение миротворцами её забегаловки было своеобразной традицией. Хозяйкой забегаловки, Катериной, оказалась полная, высокая и дебелая армянка, с неизменными чёрными усиками под носом. Она приветливо встретила нас, живо освободила столик и уже через две минуты на столе стояла бутылка абхазской водки «Король Леоне», кстати совсем неплохая водка, и немудрящая закуска. Мы успели выпить по первой и перед каждым из нас оказалась дымящиеся вкусным паром глубокая тарелка мясного супа.

– Боря, смотри, – мой тёзка, подполковник Буреев, воткнул ложку в мясную гущу и она медленно завалилась, громко стукнув об край тарелки, – видишь, сколько мяса здесь.

В забегаловке мы просидели минут сорок, а потом меня повели по рынку. Ну..., рынок как рынок. Не особо богатый, но дешёвый. Я ещё вчера, когда вечером сидели в кафешке, обратил внимание на дешевизну. А на рынке ещё дешевле. Я буквально за копейки купил разных фруктов и разносолов и всё это увёз в санаторий.

На следующий день заступил помощником оперативного дежурного. Оперативным заступал капитан Ямшанов, который отвечал в штабе за пресс-службу. Звали его Андреем, общительный и лёгкий он толково ввёл меня в курс дела и рассказал о многих нюансах несения службы оперативным дежурным.

– Боря, смотри, – Андрюха, улыбаясь, показал на неприметную кнопку на косяке двери в ружейную комнату, – я тогда первый раз помощником заступил. Дежурный лёг спать, а я остался дежурить. Ходил по помещению, ходил взад вперёд, скукотище... Ну..., ходил, ходил... Боролся, боролся со сном... Смотрю – кнопочка какая-то, а что за кнопочка – никто не сказал. Руки в карманах и беру и лбом на неё и нажал. Так и застыл, задремав на кнопке, а через минуты две лошадиный топот по коридору и сюда врываются офицеры. Чуть меня в дверях не затоптали и к ружейной пирамиде, где находятся автоматы и пистолеты офицеров штаба.

Андрей даже заржал от воспоминания: – Я стою и так одним глазом на всю эту суматоху смотрю. Что происходит? Ничего понять не могу. Дежурный выскакивает из комнаты отдыха и испуганно орёт... – Откуда нападение....

Потом прибежал Командующий с начальником штаба. Оказывается я на кнопку «Тревога» нажал. Ну и драли меня...

Следующий момент. Весь наш санаторий и соседний запитаны от энергосистемы Сухуми, а свет во всей Абхазии вечером вырубается в 23:00. Вот тут нужно проконтролировать, чтобы солдат-дизелист, как свет погаснет, включил свою электростанцию в течение одной минуты. В принципе, он со своей задачей справляется, но всё равно нужно контролировать. Потому что мы не только для себя электричество подаём, но и для абхазов – в их КГБ, ментовку городскую и по-моему в правительство. Если солдат проспит – то оперативный дежурный втык хороший получает. Да, ещё всегда вечером узнавай, сколько горючего у дизелиста есть, чтобы хватило на ночь работы.

А так, нормально. На..., инструкцию изучай.... И действуй по ней.

Действительно дежурство прошло легко и спокойно. Поэтому на первое своё дежурство я заступил не волнуясь. Правда, вечером произошёл небольшой конфуз. В десять часов позвонил дежурному дизелисту.

– Всё нормально, солдат?

– Так точно.

– Не проспий?

– Никак нет, товарищ майор. В первый раз что ли? Только топлива у нас маловато....

– Сколько?

– 150 литров...

– Тюююю..., хватит с головой... Давай, смотри не проспай только, – и положил трубку.

Понедобнее расположился в кресле и уставился в экран телевизора. Но моё благостное настроение прервал помощник. Я его совсем не знал, но служил старший лейтенант здесь уже два месяца.

– Товарищ майор, 150 литров солярки действительно мало. Часа на два. Надо заправлять....

– Да ну, фигня, – самонадеянно отмахнулся я, – хватит...

– Моё дело предупредить, – старлей сgrimасничал лицом, независимо подняв брови вверх, и тоже удобно расположился в кресле.

Помолчав минут пять, я зашевелился: – Ладно, схожу гляну..., что там за электростанция.

Дизельная электростанция располагалась за зданием столовой и когда я заглянул в будку огромного размера, удивлённо присвистнул. Ни фиги себе, я думал что тут обычный армейский дизель... А тут реальная, мощная электростанция.

– Блинннн..., сколько она жрёт то?

– Да этих 150 литров, товарищ майор, часа на полтора... Заправлять надо, – озаботил меня дизелист.

Ну..., такие рядовые вопросы мы решаем на раз-два. Последующие тридцать минут прошли супер активно, в суете, где суетился не только я, но и наряд по парку, заправщик, не исключая караула, но зато агрегат был заправлен под завязку и ночью мы бесперебойно обеспечивали электричеством и себя и абхазов.

Утром, без пятнадцати шесть, обзвонил городскую милицию и абхазское министерство гос. безопасности. У них всё нормально и ночь прошла без происшествий. Утром доложил генерал-майору Суконному и, в принципе, основная часть дежурства была благополучно закончена. Днём – это рутинная.

Так, в 10:00 от оперативного дежурного «Теза» (Северная Зона безопасности) пришло сообщение: – Вчера, начальник Гальского РОВД капитан Бейя-Бейсик в районе населённого пункта Сабчота-чай проводил плановые мероприятия по проверке паспортного режима. Были остановлены два автобуса с местными жителями, в подавляющем большинстве являвшимся грузинами, проживающие на абхазской стороне. После проверки все женщины и дети были высажены из автобуса, а 20 мужчин были задержаны и доставлены в здание Гальской милиции, где они находятся до сих пор.

В 14:00 поступило сообщение от майора Южмина командира сапёрной роты: – В районе населённого пункта Мзиури, северо-восточнее 5 км, в лесопосадке, были обнаружены 3 мины ТМ-57. Одна взорвана на месте, 2 обезврежены и находятся в сапёрной роте. Мины абсолютно новые и свежие, без следов ржавчины и были установлены накануне. Партия 12\4\6.

Тем и закончилось дежурство.

Вскоре после меня прибыл последний по штату офицер нашего оперативного отдела майор Кокин, которого поселили ко мне в номер. Алексей также как и я не разбирался в хитросплетениях штабных документов и основным нашим занятием стало хождение оперативными дежурными. А мы и не обижались – лучше сутки отстоять дежурным, чем целыми днями корпеть над документами. А когда наш начальник оперативного отдела полковник Максимов понял, что мы с Кокиным «дубы» в штабных документах он и вовсе отстал от нас. Днём, когда не был на дежурстве, я спал, читал книги, каждые два часа выходил на спортивный городок и в течение тридцати минут занимался на силовых тренажёрах, или же не спеша прогуливался по берегу моря. Вечером с Пашей Мошкиным или с Андрюхой Морозовым, который у нас был тыловым работником, проводил время в одном из пяти ресторанчиков на территории санатория. В выходные дни нас вывозили на рынок, где мы тоже не плоховали и весело проводили отведённое нам время. По правилам, мы должны были все вместе приезжать на рынок и также организованно уезжать оттуда. Но мы с подполковником Мошкиным, хорошо подогретье, отделялись от наших и возвращались в санаторий к себе пешком, не пропуская ни одного встреченного кафе. Но в последний раз Паша чересчур усугубил, потерял чувство реальности и мы два раза чуть не нарвались на «Харашиееее» неприятности.

Мы вошли в очередное кафе у полуразрушенного и не работающего морского вокзала, где всё-таки разгружались несколько грузовых турецких кораблей. Паша был уже «хороший», я чуть получше и нам обоим было очень весело. Увидев это кафе, мы решили ещё наvertнуть грамулек по сто, минут пятнадцать перекурить и двигать дальше. Шумновато расположились за столиком в пустом зале и вышедшей высокой и красивой официантке-абхазке весело сделали заказ.

– Девушка, по сто грамм водки и чего-нибудь закусить.

Я то только обратил внимание, что абхазка красавица и всё, а Паша активно «пустил слюну». Я уже не раз замечал, что как только Паша принимал на грудь водчонку, то становился сексуально озабоченный и старался не пропускать ни одной юбки. А при отсутствии оной, впадал в безумные сексуальные воспоминания, где имел всех и всё, не пропуская никого и ничего, даже трансформаторные будки на грязной животноводческой ферме, при этом получая максимальное сексуальное наслаждение. Вот и сейчас....

– Эиххх..., Какая... Боря, я её хочу и сейчас буду клеить...

– Паша, не лезь. Я вот хочу домой и в постельку бай-бай... Паша, наворачиваем и пошли...

– Нееее..., Боря, ты можешь идти, а я тут остаюсь.

– Вот ещё чего. Я тебя здесь одного не оставлю. Всё, хорош..., не дури. Пьём и идём.

Паша перестал со мной спорить, сидел, курил и хитровато шурился от сигаретного дыма и непонятно – то ли он внял моим словам, то ли упёрся в своём решении. Тем временем вновь появилась официантка с подносом, с водкой и двумя тарелками с сочных хинкали. Когда она принимала у нас заказ, то стояла несколько боком, а сейчас, расставляя на столу принесённое, она полностью повернулась к нам и под левым глазом засветился качественный фиолетово-жёлтый синяк.

– Ого, кто это тебя так, солнышко? – Заботливо защебетал Паша и, привстав, потянулся рукой к щеке официантки. Но та увернулась.

– Не надо, не надо... это мои проблемы..., – заволновалась молодая женщина.

– Нет, девонька, это теперь и наши проблемы, – Паша всё больше и больше распускал перья и мне почему-то это очень не нравилось. Интуиция и задняя точка, под названием задница, настойчиво и горячо подсказывали мне: – Боря, Боря..., надо отсюда съё.....ть, пока мы не нашли здесь приключений.

А Паша разливался соловьём и уже пьяно требовал, только что не стучал кулаком по столу: – Кто это тебя? Кто? За что? Покажи его мне и я..., – мой безумный товарищ не успел закончить свою мысль, как сзади послышался грубый и жёсткий голос, на который мы живо обернулись.

– Ну, я....

В дверях, ведущих на кухню, заслоня весь проём, стоял огромный, заросший жёсткой, чёрной щетиной абхаз.

– Это я ей в глаз заехал... Ну и что? – Помолчал и добавил, – это моя жена и я имею право зафинтить ей за дело... Да и без дела тоже....

Паша от вида явно агрессивного громила, забыв что он хотел сделать с обидчиком официантки, раскрыл рот в изумление и широко открыл глаза. Я же сразу понял, что даже вдвоём мы против него не бойцы. Да и честно говоря, с самого начала не хотел никаких конфликтов. Но если он завяжется с Пашей или наоборот – мне из солидарности придётся тоже лезть в драку, результат которой нетрудно было предугадать. Ладно если он нас только отлупит, но после такого скандала генерал Суконный просто вышвырнет нас с позором из миротворцев да ещё с какой-нибудь гнусно-пикантной характеристикой. Всё это мгновенно и удивительно чётко пронеслось в моём затуманенном алкоголем мозгу и я начал действовать.

– Всё..., всё, мужик.... Всё нормально. Мы уже уходим и нам неинтересно, за что ты поставил синяк. Паша..., Паша..., встаём и уходим... Чего сидишь? – Я тормозил вставшего в ступор товарища, надеясь обойтись без драки и думая, что до Паши тоже дошла двусмысленность ситуации.

И тут Паша очнулся и с яростным воплем стал выдираться из-за стола: – Аааа..., так это тебе надо еб.....ник начистить, так это мы сейчас....

Надо сказать, что абхазы очень хорошо и лояльно относились к русским и особенно к миротворцам, справедливо считая, что мир сегодня в Абхазии – это благодаря только России и

русским миротворцам, да десантникам в Гудауте. Но сейчас нам попался явно неправильный абхаз, видевший русских первый раз в жизни, и на вопль Паши он только плотоядно ощерился и стал засучивать рукава.

Понимая, что нас сейчас будут бить. Бить больно и долго, может быть ещё ногами по животу, или стульями по голове, а может быть хоть и лёгкими столами, но больно и что нас может спасти только что-то неординарное. Я схватил Пашу за шиворот и выдернул его из-за стола, одновременно с этим вторую руку сунул в карман и, выхватив оттуда комок бумажных денег, сгоряча кинул их на крышку стола.

– Так..., так..., мужик, видишь..... мы уходим. Девушка возьми деньги за заказ, без сдачи....

В комке бумажных денег была явно дневная, если не недельная выручка этой захудалой забегаловки. Тоже самое мгновенно прочухал и абхаз. Он прекратил приготовления к драке и теперь только и ждал, когда мы уберёмся отсюда, чтобы забрать себе деньги.

Паша сопротивлялся, но не особо, сообразив наверно, чем всё это пахнет и сопротивлялся только ради сохранения своего статус Кво и «приличия». Выкатились на улицу, по инерции протащил его ещё метров тридцать и отпустил его.

– Паша, ну тебя на х...й. Чтоб я ещё с тобой..., да куда-нибудь...

Но озабоченный товарищ не обращал внимания на мою ругань и, поправляя на себе обмундирование, восхищённо цокал языком и всё порывался вернуться обратно.

– Боря, Боря..., какая женщина... Да ради такой можно и по морде получить...

– Паша, пошли отсюда, – почти жалобно попросил я товарища, – если тебе не жалко своей рожи, то пожалей мою. Да, красивая баба, но это ж её муж...

Так уговаривая Пашу, я повернул его в сторону нашего санатория и мы пошли туда. За эти пятнадцать, двадцать минут, пока мы сидели в кафе, обстановка на набережной кардинально изменилась. Когда мы пришли сюда, здесь почти никого не было, царило полное спокойствие, лишь в отдалении несколько пар старых абхазов играли под пальмами в шахматы. Но теперь здесь стояло несколько иномарок, а в метрах тридцати от нас явно проходили активные криминальные разборки, под названием – «Стрелка». Две группы абхазов, человек по восемь каждая, явно уголовного характера, находились в том накале страстей, когда горячие кавказские парни хватаются за пистолеты и палят во всё что стоит против него и налезает на ствол пистолета. Тут даже целиться не надо, только нажимай на курок. Пистолеты тоже присутствовали, заткнутыми за пояса сзади. Абхазы громко кричали друг на друга, ругались, размахивая руками и постепенно отдаляясь друг от друга, выбирая удобную позицию для стрельбы. Было понятно, что Счас начнётся... Громкая пальба...

Паша насторожился, глядя в ту сторону, а я стал торопливо оглядываться, прикидывая, что возвращение в кафе и драка с абхазом..., даже побитие нас, было самым лучшим выходом и спасением из смертельной ситуации.

Но подполковник Мошкин с пьяну принял совершенно другое решение, от которого я чуть не грохнулся в обморок. Я только и успел придушливо пискнуть вслед: – Паша, назад...

А Паша ломанулся к толпе криминальщиков и, подскочив к одному из них, неожиданно выхватил у того из-за пояса пистолет ТТ, ворвался в круг, закружился в нём, потрясая оружием, и неистово заорал на хозяина пистолета.

– Ты как его носишь? Как? Тебя, что научить? Чё, глаза вылупили. Вам, что – показать, как его носить?

Паша опустил глаза и хотел что-то показать пистолетом, но только ожесточённо плюнул на асфальт – он был без ремня. Мошкин при полном молчании и всеобщем изумлении, выщелкнул из пистолета обойму и сунул его хозяину: – Неправильно носишь..., хотел показать как надо.... Да, вот ремня не оказалось...

В этот момент в круг на цыпочках вошёл я и, потянув товарища за рукав, слащавым, противным тоном протянул: – Товарищ подполковник, пойдёте отсюда, – тут же обернулся к присутствующим, впавшим в ступор, – ребята, мы сейчас уйдём, а вы разбирайтесь... Мы мешать вам не будем...

Абхазы, разобравшись, что это русские миротворцы, которых нельзя трогать ни при каком случае, иначе это чревато, разошлись в стороны, освобождая нам проход. Из Паши как всё равно выпустили воздух, он ссутулился и устало пошёл вперёд, полуобернувшись ко мне и стал жаловаться.

– Боря, хотел ведь показать, как правильно... Блин..., а ремня нет... Вот же чёрт побери.

Накал разборки мы всё таки сбили и абхазы тоже молча разошлись по машинам и уехали с набережной, а я начал орать на товарища. Ругал его до тех пор, пока не уткнулись в следующее, уже приличное кафе. Навернув тут по 100 грамм, и я уже спокойно сказал Мошкину: – Всё, Паша, я с тобой больше в город не ходок. Хочешь со мной общаться за столом, давай общаться на территории санатория...

На какое-то время я перестал выпивать в компании Паши и сошёлся с подполковником Морозовым и мы неплохо проводили вечера в небольшой, но уютной кафешке «У Саши» на территории санатория.

Вскоре приехал новый Командующий генерал-майор Коробко и теперь начальник штаба генерал Суконный ушёл в тень и психологическая обстановка в штабе нормализовалась. Генерал-майор Суконный не пользовался авторитетом у своих подчинённых и его боялись, за подлую натуру.

С приходом Коробко начальник штаба по притих, ощущая неприязнь прямолинейного и честного генерала. Теперь чтобы генерал Суконный захотел выкинуть какого-либо офицера в Россию – ему бы пришлось наткнуться на непреклонность Командующего, который мог бы и сам его выкинуть из Абхазии.

Статный, с грубоватым юмором, спокойный генерал Коробко сразу завоевал авторитет среди офицеров, а через две недели как прибыл он, его ещё больше укрепил. Мой товарищ Рома, с которым я прибыл в Абхазию и ещё один из офицеров получили очередные звания – Подполковник и решили их обмыть всем коллективом штаба. И вот Командующий, присутствуя на этом мероприятии, сумел удержать офицеров от банальной пьянки, превратив её в реальное чествование получивших звание. Причём, как новоиспечённые подполковники, так и гости остались довольны этим моментом.

Последующие события показали, что назначая Коробко на эту должность, Кремль сделал правильный выбор.

Жизнь текла размеренно и спокойно и я быстро пришёл в себя и уже в полной мере наслаждался покоем. Давно так не отдыхал и не был предоставлен самому себе. Правда, вскоре мне навесили новую обязанность и я стал отвечать за ведением БЧС миротворческих сил (боевой и численный состав) и за оборону санатория, где мы располагались. В течение недели с энтузиазмом изготовил большую, красочную, новую схему обороны санатория, где были указаны все позиции, вплоть до одиночного солдата. И теперь я её только совершенствовал. В перерывах между дежурствами меня начали посылать, как правило, на вертолёт в разные точки расположения наших миротворческих подразделений, что здорово разнообразило мою жизнь в штабе.

Бывали и совсем неожиданные выезды, так особенно запомнилось мне одна из поездок, когда я в составе группы офицеров убыл для расследования и организации поисков ушедших из расположения двоих солдат.

* * *

Довольный и сытый от хорошего завтрака, вышел на крыльцо столовой и задумался – Чем сегодня буду заниматься? И что может придумать командование? Впрочем, вроде бы сегодня никуда меня не пошлют. Погода была отличная и хоть стоял на дворе конец декабря – солнце

светило ярко и на улице было где-то двадцать градусов тепла, отчего даже море ласково шуршало галькой и швыркало ослепительными искрами в пятидесяти метрах от столовой на пляже.

– А..., сейчас погуляю с часик по берегу моря..., посижу и полюбуюсь на череду зелёных волн. Потом заварю чайку, минут сорок позанимаюсь на спортивных тренажёрах..., – дальше черед приятных размышлений прервалась бесцеремонным вмешательством запыханного Лёхи Кокина.

– Боря..., там тебя Петренко ищет. Шуруй к нему.

– А чего ему надо от меня? – Недовольно буркнул, досадуя на наверняка поломанные и спокойные планы сегодняшнего времяпрепровождения.

– Подробностей не знаю, но вроде в девятой роте ЧП и туда надо лететь разбираться....

Ууу..., настроение сразу улучшилось, так как ЧП в девятой роте предполагало вертолётную прогулку, интересную суматоху и суету. День пролетит мигом, насыщенный новыми впечатлениями, которыми я с удовольствием буду делиться вечером в ресторанчике «У Саши» со своими товарищами.

Полковник Петренко был замом по воспитательной работе Командующего Миротворческими Силами в Абхазии – короче Замполитом. Но в отличие от многих замполитов был на мой взгляд нормальным мужиком. Справедливым и рассудительным. Конечно, замполитовская должность накладывала на него свой отпечаток и сущность политработника, ту какую не любят в войсках командиры, вот она иной раз и проскакивала. Но всё равно с ним можно было смело работать.

– Товарищ полковник, майор Копытов по вашему приказанию прибыл.

– Отлично, Копытов, будешь от оперативного отдела. Хватай автомат и через пять минут едем на вертолётную площадку.

– Есть! Товарищ полковник, а что случилось? И на сколько едем?

– Копытов, – Петренко досадливо поморщился, – давай без вопросов... На день едем.... На день...

Взял оружие, немного подумал и взял немецкую каску. В вертолёте вместе со мной и Петренко летело ещё пять офицеров. Здесь же был Андрей Ямшанов, отвечавший за информационное обеспечение деятельности миротворческих сил, и ещё несколько штабных офицеров – для работы на подхвате.

Андрюха уже проинформировал меня о некоторых подробностях случившегося. Два бойца с девятой роты сбежали с 206 блок-поста, который располагался в здании Ингури ГЭС. Убежали без оружия и успели ещё ограбить магазин. Вот и летим туда, чтобы организовать поиски и разобраться в причинах побега. Я уже там был, поэтому прекрасно представлял себе как располагалась вся 9ая рота. Сам базовый лагерь находился в посёлке Ингури ГЭС – это блок-пост 204 и были ещё два блок-поста. Сама Ингури ГЭС – здания, трансформаторы и другое важное энергетическое оборудование находилась в паре километрах от базового лагеря роты и выше в горах. Вот там то и был блок-пост 206, откуда сбежали бойцы.

Вообще, когда планировали и строили Ингури ГЭС никто не мог и подумать, что Абхазия и Грузия отделятся друг от друга и будут воюющими сторонами. Сама плотина и водохранилище оказались на территории Грузии. Плотина пропускала через свои турбины воду и вырабатывала электроэнергию, которая шла уже на энергетический комплекс Ингури ГЭС, находящийся в двенадцати километрах от плотины, но уже на территории Абхазии. И Абхазский энергетический комплекс ГЭС являлся самой важной частью распределения вырабатываемой электроэнергии. И именно абхазы распоряжались электроэнергией, в результате чего – 80% электричества шло для потребления в Абхазию, а 20% в Грузию. В советские времена Ингури ГЭС обеспечивало 80% потребления электроэнергии всей Грузии, а в результате такого, с точки зрения грузин, несправедливого распределения, в Грузии был теперь энергетический кризис.

В самой Абхазии тоже не баловали своих жителей избытком электричества и давали его по часам, а сэкономленное электричество с хорошей прибылью для мятежной республики продавали России в Краснодарский край. Как это не странно, но там станций было мало и электричество с Абхазии очень кстати выручало Сочи и его окрестности.

Через сорок минут, зависнув над поселковым стадионом, вертолёт стал медленно опускаться на центр футбольного поля. Слегка пригибаясь и придерживая головные уборы, мы быстро и споро выгрузились и подбежали к двум БТРам, стоявшим в отдалении, около которого перекуривали командир девятой роты старший лейтенант Смирнов, командир батальона майор Бондаренко со своими заместителями и особист Андрей. Чуть в сторонке стоял невысокий местный милиционер с автоматом с деревянным прикладом за спиной. Все доложились Петренко и тут же быстро ввели в курс дела.

Действительно, сбежали два бойца Климушкин и Хетагуров. Русский боец был призван из Волгограда, а второй осетин из Владивокавказ. Дружили друг с другом. Моральная обстановка в роте нормальная, как и в любом другом воинском коллективе с нормальным командиром роты. Сбежавшие слабаками не были, но и в лидерах не ходили. Фактов дедовщины или других каких-либо неформальных взаимоотношений, поползновений со стороны сослуживцев замечено не было. Причины ухода неизвестны. Сбежали без оружия, но при уходе с блок-поста вскрыли кладовку местных энергетиков и похитили оттуда две бутылки шампанского и два килограмма моркови. Вот это несколько нелепо выбивалось из общего ряда. Но с другой стороны давало надежду, что бойцы с таким запасом «продовольствия» далеко не пойдут.

Выслушав всех, в том числе и начальника милиции посёлка – это он был с автоматом, обсудив все варианты и возможности как поиска бойцов, так и выяснения причин ухода, начали садиться на БТРы. Решили сначала проехать на сам блок-пост и ещё раз опросить тамошних солдат, хотя эту работу командир батальона с замами уже проделали. Но вполне возможно, что при втором опросе, да офицерами штаба миротворцев, вылезет какая-нибудь дополнительная информация.

Натужно загудев двигателями БТРы полезли по каменистой дороге вверх к зданию Ингури ГЭС. Вертолёт к этому времени прекратил вращения лопастями, приготовившись ожидать нашего возвращения, а из-за недалекого забора, за которым располагалась миссия военных наблюдателей ООН, исчезли головы военных наблюдателей, всполошённых внезапным появлением русских.

Я сидел на броне первой бронированной машины и с любопытством крутил головой по сторонам и по обшарпанным домам на окраинной улице посёлка. Проехав по узковатой улице вверх, выехали за пределы посёлка, через триста метров свернули вправо и по ещё более крутой дороге стали подыматься в гору, где по мере подъёма моему взору открывался красивый вид как самого посёлка, так и окружающих высоких гор, покрытых изумрудной зеленью. Горами, конечно, их можно назвать с натяжкой, но крутые, обрывистые и скалистые склоны, высотой от 200 до 600 метров больше претендовали на название «гор», чем если их назвать просто высокими холмами. Слева, в метрах пятнадцати от дороги, мимо проплыли полуразвалившийся заброшенный дом с остатками изгороди и начальник милиции, который сидел вместе с нами на броне, засуетился и знаками попросил остановить машину. Соскочил с БТРа и скорым шагом, с автоматом на изготовку, двинулся к развалинам, а мы продолжили карабкаться вверх, среди невысоких, но густых и колючих придорожных зарослей.

Мы уже отъехали от дома метров на двести, когда на дорогу выскочил начальник милиции и дал две коротких очереди вверх, привлекая наше внимание.

Полковник Петренко и все сидящие на обоих машинах, недоумённо оглянулись на выстрелы.

– Чего он хочет? – Рефлекторно спросил полковник командира батальона, но тот лишь неопределённо пожал плечами.

– Товарищ полковник, вы ежайте, а я останусь и разберусь чего ему надо? – Меня как кто-то толкнул в спину с таким решением. Петренко разрешающе кивнул головой, а следом за мной на дорогу соскочил и особист батальона. БТР взревел и, обдав нас сизыми выхлопными газами, вновь начал движение. Также тяжело проползла мимо нас и вторая машина, а мы скорым шагом двинулись вниз к начальнику милиции.

Невысокого роста, худощавый, непритязательная внешность и неизменная небритость лица, среднего возраста, когда можно одновременно дать и тридцать пять и сорок пять лет, начальник милиции нетерпеливо топтался на дороге, поджидая нас. Пока мы к нему спустились, Андрей несколькими словами рассказал о нём: зовут Рустам, деловой, нормальный мужик, на своём месте, грузинскими партизанами приговорён к смерти. Выслушав эту информацию, я уже с уважением посмотрел на милиционера. Ведь партизанская зона практически граничила с посёлком Ингури.

– Андрей, товарищ майор, тут они были... оставили следы, – мы, следом за Рустамом, по узкой тропинке поднялись вверх и через разрушенную изгородь зашли во двор брошенного хозяйства. Через дверной проём с полу оторванной дверью зашли в дом и в большой комнате, в углу, увидели бутылку шампанского и оторванную морковную ботву.

– Тут они были, совсем недавно... бутылка даже высохнуть не успела. – Мы подняли бутылку из зелёного стекла и по очереди рассмотрели её, убедившись в правильных выводах абхазского милиционера.

– Понятно, ну и куда они по твоему дальше двинулись, Рустам? – Андрей и я выжидающе уставились на него.

Рустам молча покрутился по комнате, вышел из дома – мы за ним и стал методично осматривать обширный двор, после чего решительно махнул рукой в сторону посёлка: – Туда ведут следы, – и скорым шагом направился вниз, к посёлку, пристально вглядываясь в траву и землю. Шёл он уверенно, не сбиваясь из стороны в сторону, как ищейка взявшая след. Следом за ним мы спустились к посёлку, тут Рустам резко свернул вправо и по широкой дуге стал обходить населённый пункт. Мы с Андреем было засомневались в правильности направления, так как не видели даже малейшего следа и не понимали по каким признаком он угадывал их, но тут Рустам издал радостный возглас и с боку от малоприметной тропинки мы увидели несколько брошенных или уроненных больших, ярко-красных морковок.

– Так, всё понятно. Они пошли туда, – Рустам махнул рукой на почти отвесный и скалистый склон.

– Да ну, Рустам..., – усомнился Андрей, – Может быть это ваши местные морковку потеряли?

– Нееее, Андрэй, – рассмеялся начальник милиции, – не так богато мы живём, чтобы такой морковкой разбрасываться....

Тропинка привела нас к отвесному склону, где она уже присутствовала в виде отдельных ступенек, каких-то небольших площадок и длинных, узких карнизов.

– Что, туда полезем что ли? – Я банально испугался, – Да тут метров триста надо по стене ползти... Нееее..., мне чего-то совсем не хочется туда лезть....

– Солдаты ваши не испугались..., полезли. И нам надо туда лезть, если хотим их догнать. В обход не успеем. Вон и их следы ведут на стену, – Рустам показал стволом автомата на отпечаток солдатского сапога.

– Так давайте вдоль стены пройдем, наверняка сорвались и валяются где-то здесь, – предложил я, не теряя надежды, что мы туда не полезем.

– Неее..., не сорвались они, – Рустам закинул за спину автомат с деревянным прикладом и, поставив ногу на первую ступеньку, зацепился вверху за выступ, чуть потянулся руками и сразу вторую ногу он поставил уже на метровой высоте. Дальше он двинулся по узкому кар-

низу и через минуту замахал нам рукой с высоты примерно четвёртого этажа, – ну что вы там застряли?

– Блядь, – тоскливо выругался я, – Андрюха, ведь придётся лезть....

Особист тоже нерешительно мялся у стены и с такой же тоской смотрел вверх.

– Боря, меня только один вопрос интересует. Когда оттуда падать буду – успею я всю свою жизнь вспомнить? Хочешь, я тебе секрет скажу – отчего это дитя гор такой энтузиазм в поимке бойцов проявляет?

– Ну...?

– Да ему сдуру пообещали, что если он реально нам поможет словить бойцов, то ему двухсотлитровую бочку бензина подкатят. Вот так то.

Ещё раз бессильно проматерившись, закинули автоматы за спину, я затянул потуже ремешок каски под подбородком и мы полезли следом за местным следопытом в ментовской форме.

Если не считать нескольких опасных моментов, поднялись наверх вполне быстро, но пришлось минут десять повалиться на краю обрыва, приводя себя в порядок и чувствуя, как противно дрожали ноги. С нашего места открывался охренительно прекрасный вид, когда можно одним взглядом охватить сам посёлок, где-то далеко внизу, базовый лагерь девятой роты, комплекс зданий Ингури ГЭС и много чего другое. Даже ради такого вида стоило сюда залезть. Полюбовавшись и придя в себя, мы раскинулись жидкой цепью, так чтобы быть всегда в поле видимости друг друга, стали прочёсывать обширное плато, покрытое высоким кустарником и одинокими деревьями, плавно переходящее в склон более высокой горы.

Так мы шарились практически три часа, но уже ни каких следов присутствия бойцов обнаружить не удалось. Спустились с гор хрен его знает где, потом пёрлись ещё полтора часа по какой-то горной дороге и неожиданно вышли к посёлку Ингури. Усталые и раздражённые заявили в базовый лагерь. Рустам ушёл к себе домой обедать. Ещё когда шли через посёлок, мимо стадиона, увидел что там вертолёт не было. А в лагере мне сказали, что мои уже улетели обратно в Сухуми.

– А что им тут ещё делать? Информацию собрали, дедовщины во взаимоотношениях не обнаружили. В роте и на блок-постах порядок. Что ещё тут делать? Приказали усилить поиски. – Всё это командир батальона произнёс флегматичным тоном и тут же добавил, – обедать пойдёте?

– Да с удовольствием, – сразу же и охотно согласился, ощущая зверский голод от «прогулки» по горам, – а если к обеду что-то будет – вообще отлично. А в Сухуми поеду, как бойцов словим. Ну, их на хер. Там тоска зелёная, а тут жизнь. Отправишь меня потом?

– Да никаких проблем, товарищ майор.

То что с ними остаётся офицер верхнего штаба, так сказать контролирующий орган, ни капли не беспокоило командование батальона. За этот месяц они успели рассмотреть, что я, в отличие от штабных офицеров, при проверке службы не бежал галопом докладывать командованию об обнаруженных недостатках или же не писал со сладострастием длинную докладную, с таким же длинным списком недостатков. Я был таким же командиром, как и они и, видя адекватность батальонного командования, доводил обнаруженные недостатки до них и вместе решали, как их исправить.

Обедали мы в небогатой кафешке в пятидесяти метрах от базового лагеря. С веранды кафе, где мы сидели, открывался красивый вид на окрестности посёлка. Горячие и сытные хинкали, острые соленья и пара бутылок водки, привели нас в хорошее настроение и сняли усталость. Поэтому, когда в кафе появился Рустам и предложил обойти местное население на верхнем плато и предупредить их об сбежавших, мы сразу согласились. Через час небольшая колонна из нескольких автомобилей по сигналу Рустама остановилась и из машин выскочили опять я, особист, солдат пулемётчик с пулемётом и присоединились к милиционеру. Машины пошли дальше, а мы стали подыматься на плато, где было раскидано на больших расстояниях

друг от друга несколько жилых домов. Что они тут выращивали, чем жили – не знаю, но вверх по склону тянулись огромные огороды. Правда, в это время года они были пустыми, а ещё дальше виднелась опушка леса, как сказал Рустам – там уже шастали грузинские партизаны.

Обойдя все дома и всех предупредив, Рустам предложил прочесать ещё один кусок местности. Мы с особистом переглянулись и с сомнением уставились на пулемётчика. Если мы были налегке, я даже каску не стал брать, а оставил у ротного, то солдат помимо пулемёта с пристёгнутым коробом на 100 патронов, был одет в бушлат, а на бушлате плотно сидел бронник. И на шапке каска. Уже сейчас у него была красная и потная рожа.

– Как тебя зовут?

– Николай.

– Выдержишь?

– Выдержу.

– Ну, тогда держись....

Участок, который надо прочесать, был небольшой. В длину километра три и в ширину полтора. Относительно ровный. Так..., небольшие впадины, овражки и всё это равномерно покрыто кучками кустарников, отдельными деревьями и огромными скалистыми обломками, торчащими из земли. Самое хреновое, что на всём протяжении он шёл вдоль опушки леса. Поэтому Рустама мы поставили на дальний от леса край нашей коротенькой цепи и побежали. Если ходить, то мы так до утра проходим. Поэтому и побежали, держа всё время друг друга в виду. Через сорок минут такого прочёсывания, мы остановились, тяжело дыша на краю отвесной стены метров в сто пятьдесят и сверху глянули на посёлок Ингури и базовый лагерь. Машины, на которых мы приехали на плато, только что вернулись обратно и оттуда вылезали солдаты и офицеры. Сглотнув тягучую слюну и высморкав соплю, мы дружно уставились на пулемётчика. Дааа..., мы были в поту, а того рожа, как из парной.

– Выдержу, выдержу, товарищи офицеры....

– Хорошо, сдвигаемся на триста метров вправо и назад чешем.

Когда мы в очередной раз оказались на краю стенки мы загнано дышали, а на солдата было страшно смотреть.

На наш немой вопрос, пулемётчик прохрипел: – Если воды попью, то ещё столько же прометелю..., – и мы заржали.

– Вот и я такой же был лет двадцать пять назад, – я сплюнул длинную и густую слюну, которая качество прилипла к моей груди. – А сейчас....., ну может быть.... Ещё...

И ещё раз плюнул, но уже более удачно: – Ладно, давайте уж до конца дело доделаем, – и мы побежали. Вернувшись к стенке, мы все с тоской посмотрели сверху на базовый лагерь, а Рустам на посёлок. Осталась последняя полоса и если её чесать, то обратно придётся лишние три километра просто брести. Чёрт...., неохота....

Мы одновременно посмотрели друг на друга, потом на пулемётчики и как-то сразу решили: – А на хрен это надо...

Тут же все оживились, в том числе и солдат, а я осторожно задал вопрос милиционеру: – Рустам, надеюсь, нам не придётся обратно переться по той дороге?

Рустам коротко рассмеялся и вытер пот с лица шапкой: – Здесь только одна дорога. По ней и пойдёт.

– Блинннн....., чтоб я опять в горы пошёл....., – рядом, примерно а таком же духе выразился особист Андрей, но только сочнее и содержательней. Лишь пулемётчик, постеснявшись офицеров, молча плюнул и в очередной раз вытер рукавом мокрое лицо. Как мы шли в лагерь, вспоминать не хочется, но когда пришли, пулемётчик без сил рухнул на скамейку, закатив глаза, и мы трудолюбиво захлопотали вокруг него. Сняли с него бронник и удивились – бушлат был мокрым насквозь от пота и тёмное, влажное пятно точно повторяло конфигурацию бронника. Пулемёт утащили в ружейку дневальные, а мы продолжили раздевать бойца и лишь

потом глянули на себя. Мы были не лучше. Мой бушлат был тоже насквозь мокрый и от него несло лошадиным потом на версту. Появились командир батальона с замполитом и, полыбившись над нами, дали распоряжение срочно затопить баню.

Помывшись, одел всё ещё влажное обмундирование и поминутно прияхиваясь к себе пошёл к командиру роты. Комбат с замполитом и особистом уехали в батальон, а я от ротного связался с Сухуми, с полковником Петренко.

Только представился и тут же замолчал, так как на меня обрушилась лавина брани. Всегда спокойный полковник чехвостили меня, совершенно забыв, что он «инженер человеческих душ». Обвинял, что я специально сбежал, чтобы балдеть вдалеке от штаба, много было и других обвинений, но это я как всегда выслушал в пол уха. На то оно начальство, чтобы ругаться. Даже иногда для расширения общего кругозора и полезно послушать. Много чего узнаешь про себя интересного. А с познавательной точки зрения – узнаёшь новые словесные обороты и сочнее словосочетания. Как правило непечатные. Терпеливо дождался окончания бессмысленного начальственного трёпа. Бессмысленного, потому что он на меня не действовал. Да..., лет так двадцать – пятнадцать тому назад я может быть и дрожал бы от замполитовского гнева, а так сам мог кого угодно испугать или осадить.

Словив паузу, решительно начал: – Товарищ полковник, разрешите доложить о результатах поисков....

– Каких поисков? Копытов! Командир батальона всё уже доложил Командующему. – И начальственный гнев пошёл по второму кругу, как заезжанная пластинка, внушив некоторое сомнение в состоянии рассудка полковника. Но в конце мне удалось понять причину такого нервного срыва уважаемого полковника. Оказывается, генерал Коробко ехидно спросил Петренко.

– А как так вы потеряли офицера штаба непонятно где?

А Петренко, банально забыл про меня и вспомнил только после вопроса Командующего. Я представляю, если мне он такого наговорил по телефону, как он оттрахал остальных, кто летал с ним и не сказал ему про меня, когда садились в вертолёт.

После Петренко позвонил своему начальству и полковник Максимов весьма флегматично принял мой доклад: – Ладно, Копытов, будь там от нашего оперативного отдела. Да..., заодно проверь всю документацию в роте и на блок-постах....

Сообщил Максиму и о разговоре с полковником Петренко, так сказать прозондировал ситуацию.

– Ааа..., не обращай внимание... Что ты хочешь от замполитовской кафедры. Я бы сам с удовольствием из штаба сбежал.

В девять часов утра командование батальона, особист, я, командир роты и начальник милиции Рустам вновь собрались в кафе рядом с базовым лагерем. Водки на столах не было, все были настроены по деловому. Рустам сразу предложил уйти в горы и прочесать там кое какие места.

– Деревушка там стоит в несколько домов и там я могу узнать – Не захватили ли ваших бойцов в плен грузины? Если нет – то их надо где-то здесь искать. Больше нигде. Но ту местность партизаны контролируют..., – Рустам выжидательно замолк.

– Что тебе надо? – Спросил в упор комбат.

– Много людей не надо, пойдём пешком. Там узкая горная дорога и если что..., не развернуться. Да и бесполезна техника там. Патронов побольше и гранат..., – комбат недовольно нахмурился. Да и понятно – никому хочется рисковать своими подчинёнными

– Оооо.... Это мне нравится, – особист довольно потёр руки.

– Вот как раз тебе, Андрей, и не стоит идти. – Рустам отрицательно покачал головой.

– С чего это? – Удивился особист и не только он с интересом ждал ответа.

– Если зажмут. Меня и тебя грохнут, а солдат и другого офицера-миротворца... Если конечно потерь с их стороны не будет... Их оставят живыми. Обменяют на что-нибудь. Они знают кто ты такой, а мне давно уж приговор вынесли...

– А чего ты тогда туда лезешь? Ни хрена себе – тебя там грохнуть могут, а ты за бочку бензина шкурой рискуешь...., – Комбат сверлил подозрительным взглядом абхазского мента.

– Да надо мне и по личному и по служебному. Один я даже бы и не рискнул, а так и свои дела сделаю и заодно узнаем и про солдат.

– Чёрт, если бы не сбежавшие, хрен бы я согласился.

На том и порешили. С Рустамом пошли я, Егор – замполит батальона и пулемётчик Николай. Учитывая вчерашний опыт, пошли налегке: без бушлатов и бронников – благо погода была солнечная и тёплая. Углубились в горы. Впереди, по правой обочине, насторожено шёл Рустам, по левой, сзади метров пять, шёл я. За мной замполит, и замыкал пулемётчик, который прикрывал наш тыл и каждые пять-шесть шагов оглядывался назад и шёл задом ещё несколько, прощупывая взглядом все опасные места. Один замполит шёл беспечно, наслаждаясь ходьбой и отличным деньком. Приструнивать или взывать к его военной сущности я не стал. Действительно, не та кафедра и если что-то завяжется, всё равно придётся его страховать. Через полтора часа такого не спешного движения, из-за крутого склона, заросшего лесом, показалась небольшая, уютная долинка, где на невысоких холмах раскинулось типичное местное селение.

Минут пятнадцать мы скрытно наблюдали за поселением, но ничего подозрительного не увидели. Настораживало только отсутствие жителей на улице и у домов. Деревня словно вымерла, лишь разномастная домашняя живность мирно паслась везде, где было возможно.

– Рустам, а где жители? – Мы повернулись к милиционеру, но тот сам лишь недоумённо пожал плечами.

Мы опять устали в глубину долины. По различным косвенным признакам с жителями ничего не случилось, в деревне они были... Но вот безлюдность и мычание как будто брошенного крупного рогатого скота, были нехорошими признаками. И соваться в такую деревню, что-то совсем не хотелось. Но надо было выяснить – Что всё-таки здесь происходит?

Коротко посоветовавшись, решили разбиться на пары и зачистить деревню с двух сторон. Рустам и замполит идут с дальней окраины, а я с пулемётчиком, через двадцать минут как уйдёт первая пара, начинаем чистить с ближней окраины.

Они ушли, а мы продолжили наблюдение, хотя за это время не получили никакой дополнительной информации. Через двадцать минут я стал распоряжаться.

– Николай, видишь ближайший дом такой здоровенный? – Я показал рукой на двухэтажный дом, крыша которого вздымалась над дворовыми постройками в метрах двухстах от нас.

– Я сейчас постараюсь скрытно подобраться к огороду, потом вдоль вон тех кустов проберусь в переулочек и выгляну на улицу. Если там нормально, то по улице зайду сначала во двор, а потом в дом.

Если там кто-то есть и я не смогу взять ситуацию под контроль, то они будут отходить по тому краю огорода к лесу. Так вот твоя задача. Если услышишь шум или кто-то без лишнего шума постарается скрыться в лес – даёшь предупредительную очередь перед ним. Но не валишь. Если начнёт отстреливаться – бьёшь по ногам. Ну, а если стрельба... И меня не видишь... Ну, тут хрен что предусмотреть – тогда действуй по обстоятельствам. Вали всех. Потом разбираться будем. Если меня грохнут – всё вали на меня. Мол, он мне приказал стрелять. Ну..., а если грохнешь сам кого-нибудь, а я живой буду – там разберёмся. Не ссы только – я уже опыт в этих делах имею и всё будет нормально. Сможешь по живым людям стрельнуть? – В упор задал вопрос.

Солдат отвёл взгляд, помолчал и не совсем уверенно произнёс: – Смогу..., наверно.

– Сможешь. Зажмут меня – сможешь... Да, если я ещё буду на виду и по мне откроют огонь – прикроешь меня. Только бей короткими очередями и чаще меняй позицию. Но, думаю всё будет нормально. Раз с той стороны тишина, значит и у нас обойдётся. Ладно..., я пошёл.

Поплотнее надвинул каску, закатал рукава по локоть и, пригнувшись, метнулся по открытому пространству и через сто метров залёг у хлипкой изгороди, но зато здесь была густая трава и незнакомые мелкие и колючие кусты. Оглядевшись, двинулся дальше вдоль редких жердин чуть ли не на карачках и через четыре минуты оказался у проулка между изгородями. Пока всё шло нормально, но непонятно с какой стороны до меня стал доноситься невнятный мужской говор. Говорило сразу несколько человек – Но вот где? Продвинулся вперёд по короткому проулку и осторожно выглянул на пустынную деревенскую улицу. Никого и бубнение стало глуше. Чёрт побери... Вроде бы справа.

Начал двигаться вправо, вдоль уже основательного, деревянного забора, напряжённым взглядом просматривая места, источающую угрозу и в готовности немедленно залечь. Обошлось и тут и я, тихо приоткрыв калитку, скользнул в узкую щель во двор. Здесь тоже никого, но голоса стали слышны более отчётливо. Стремительным броском пересёк просторный и травянистый двор, прыгнул на обширную веранду и прижался спиной у косяка приоткрытой входной двери. Перевёл дыхание и заглянул в щель. Большая, прилично обставленная комната, посередине помещения богато накрытый едой большой стол и опять никого. Уже без особой опаски открыл дверь и зашёл в комнату, поводя автоматом из стороны в сторону. Да..., тут готовились к хорошему торжеству. Проще было сказать чего здесь не было, чем перечислить, всё что стояло на столе и на полу. У стены, как солдаты в строю, выстроились плетёные десятилитровые бутылки, а глиняные кувшины, наполненные вином, стояли среди наполненных тарелок, мисок с закуской и бокалов. Озадаченно приподнял перед каски и вытер мокрый от пота лоб, потом не удержался и запустил пальцы в миску с соленьями.

– Уууу, отличная закуска. И мясо тоже что надо... Хорошо прокопчено. Эх, холодненького чего-нибудь выпить, – голоса теперь чётко доносились из внутреннего двора и, воровато оглядевшись, я налил себе вина в большой бокал, – эйх..., винцо-то холодненькое и хорошо пошло.

Утолив жажду, подошёл к дверям, выходящим во внутренний двор и тихо приотворив её, выглянул в узкую щель. Во дворе, боком к дверям, вдоль стены, сидело человек десять сельских мужиков. Именно мирных и сельских. Это было видно по одежде, по их сидячим позам, позам людей хорошо потрудившимся и теперь спокойно отдохавшим. Мужики курили и о чём-то оживлённо толковали, может быть о сельских делах, а может о хорошей погоде. Чуть дальше, у сарая смеющиеся женщины кормили курей и индюков. Вооружённых людей не было видно, обстановка во дворе безмятежная – так что можно появиться перед сельчанами и разобраться с обстановкой в деревне.

Широко открыв дверь, я шагнул за порог, сделал несколько шагов вперёд и остановился так, чтобы видеть мужиков, не упускать из виду женщин и держать под контролем весь двор. Автомат при этом держал наготове.

Остановившись перед изумлёнными сельчанами, я ничего лучше не нашёл как задал дебильный вопрос, при этом поводя стволом автомата из стороны в сторону: – Русских солдат здесь не видели?

Только сейчас до меня дошёл весь идиотизм положения. Сидят мужики вдоль стены дома, курят в преддверии хороших посиделок, обсуждая житейские дела и поглядывая на своих жён. А тут из их дома появляется непонятный потный военный в камуфлированной форме, с засученными рукавами по локоть, в фашисткой каске и задаёт вопрос про русских солдат в деревне, находящейся под контролем партизан.

Все присутствующие замерли в тех позах, в каких были, когда я так неожиданно появился, как в немой сцене у Гоголя. Пауза затягивалась, я смотрел на мужиков и меня как

заклинило, не зная как выйти самому из глупой ситуации и расшевелить сельчан. В тоже время с интересом смотрел, как выпавшая изо рта сигарета одного из мужиков, густо задымила на ширинке штанов. И громко засмеялся, а мужик, переведя изумлённый взгляд на сигарету, уставился на дым. Потом вскочил на ноги и под такими же изумлёнными взглядами мужиков, стал пытаться стряхнуть на землю тлеющие ткани штанов. Через несколько секунд судорожных движений, дым исчез, на месте тления осталась круглая дырка, а мужик рухнул снова на скамейку. Отсмеявшись, я уж хотел было по нормальному заговорить с мужиками, но увидел как и так изумлённые глаза, глядевшие мне за спину, стали ещё больше и ещё изумлённей. Я резко развернулся, вскинул автомат, желая встретить опасность, и тут же его опустил. Из-за угла сарая, с пулемётом в руках, вышел потный солдат Николай.

– А вас всё нету и нету... вот и пошёл вас выручать... – виновато и одновременно упрекающее произнёс Николай и направил на мужиков ствол пулемёта.

Ситуацию разрядило появление в дверях начальника милиции и выглядывающего из-за его спина замполита: – Всё нормально, товарищ майор... Деревня чистая.

Сошёл во двор и стал здороваться за руку с оживившимися от появления знакомого человека мужиками и мы с Николаем опустили оружие.

Пообщавшись несколько минут во дворе, мы переместились в дом, где оказывается намечалось отмечание двадцатилетие супружества хозяев дома. Я улыбался, отвечал на вопросы, сам их задавал и вроде бы со стороны казалось, что беззаботно включился в это торжество, на которое нас тоже пригласили. Но был настороже, не доверяя до конца деревенским. Может быть в это время, какой-нибудь пацан летел на базу партизан, располагавшейся отсюда в девяти километрах. А вот замполит, как-то сразу расслабился, повесил автомат на спинку стула, а сам собрался пройти на кухню помыть руки.

– Капитан, – я дёрнул незаметно для остальных замполита за рукав и, улыбаясь, как будто говоря что-то весёлое, злобно шепнул, – автомат возьми... Чего расслабился?

Капитан, растерянно посмотрел на меня, но вернулся и взял автомат, а я перешёл к Рустаму. От него только что отошёл очередной сельчанин.

– Ну, что?

– У партизан их нет... По крайней мере, вчера вечером их не было.

– Доверяешь им?

– Не могу доверять. Они тут между двух огней и волей неволей и нашим, и им... Так просто мы уйти не можем, но у нас есть час. Если что оторвёмся.

Через десять минут оживлённо-весёлой суеты, мы расселись за столом, держа оружие на коленях. Лишь Николай прислонил пулемёт к стене, но на расстоянии вытянутой руки. Застолье покатило после первого традиционно-грузинского тоста – «За Мир во всём Мире». Мы тоже с удовольствием выпили и с не меньшим удовольствием стали накладывать по тарелкам сытные, вкусные деревенские яства. В какой-то момент я потерял контроль над замполитом, с интересом разговаривая с местным о горах, о прошлой жизни. Деревенский с удовольствием вспоминал советские сытые и богатые времена, одновременно констатируя, как они печально живут сейчас. Он сожалеющее рассказывал о том, что власти как Абхазские так и Грузинские рассорились, а вот простые грузины и абхазы расплачиваются теперь всем и страдают.

В разгар общения я оглянулся на замполита и был неприятно удивлён – капитан был банально пьян. Мужик, сам по себе вроде бы ничего. И внешне крепкий. Я с ним несколько раз сталкивался как по делам, так и приходилось общаться в неформальной обстановке и успел заметить, что капитан был слабоват на выпивку. Вместе с ним в Абхазии, была его жена, которая решительно держала его в «ежовых рукавицах» и он держался. Но здесь, в отсутствие жены, замполит «поплыл». Нет... он конечно не падал со стула, не был в отключке, но быстро напившись несколько бокалов вина, капитан потерял понимание где он находится и зачем. Бессмысленно улыбаясь, в невпопад отвечал на вопросы, а когда встал и пошёл без оружия на улицу, то

его сильно шатнуло. Я кивнул головой и пулемётчик Николай с автоматом замполита выскочил во двор, подстраховать его. Пришлось резко закругляться и уходить из деревни. Не стал я ругаться, да и пройдя с пару километров и изойдя потом, капитан перестал шататься, хотя всё ещё находился под шафе и всё сокрушался, что непонятно по какой причине мы так рано и спешно сорвались с деревни. Конечно, если бы не поддавший замполит, мы наверно ещё с полчаса и посидели бы. Но как не парадоксально, пьянство замполита сослужило добрую службу. Как стало потом известно, вскоре в деревню заявили партизаны, которых оперативно оповестили деревенские. В погоню за нами они не кинулись, опасаясь засады с нашей стороны. С миротворцами они ссорится не хотели, а вот в ходе перестрелки попытаться грохнуть Рустама – Да.

А пока мы благополучно, приближались к посёлку. И уже перед лагерем замполит был в более-менее нормальном состоянии. Пока мы отсутствовали, особист с двумя солдатами безрезультатно прочесали обширные катакомбы, недалеко от зданий Ингури ГЭС.

Обед на веранде кафе был в разгаре, когда прибежал взбудораженный Рустам: – Товарищи офицеры... Есть. Нашлись ваши дезертиры. Надо ехать на задержание.

Пока выгоняли по тревоге машины и БТР, Рустам перевёл дух и, хлебнув водки, рассказал некоторые подробности.

– Постучались они сегодня утром в один из домов на плато, где мы вчера после обеда прочёсывали... Голодные, холодные. Их приняли, как я договорился с хозяевами. Накормили, напоили. Сказали – Ребята отдохайте, мы вас завтра переправим в Сухуми, а оттуда тайными тропами в Россию. А ко мне парня послали. Вот, пока они спят – надо брать...

Брать не пришлось. Солдаты сидели угрюмо на обочине дороги, окружённые местными жителями и безразличными глазами наблюдали за подъезжающими машинами.

А через пару часов мы уже были в базовом лагере батальона, располагавшимся в четырёхэтажном здании школы селения Чибурхинджи, где и приступили к допросу. Я сидел немного в сторонке от группы офицеров и, слушая рассказ беглецов, закипал тихим бешенством, которое мутило сознание и толкало на безумный поступок. Хотелось вскочить с табурета и бить, бить, бить этих дебильных бойцов. Хотя, какие они дебильные? Выглядели вполне разумными и приличными парнями. У обоих среднее образование, нормальные родители и нормальные семьи. Дембеля. Вот от этого всего и хотелось выть. Суть рассказа о бегстве была в следующем.

Климушкин и Хетагуров одного призыва, сразу подружились, как только попали в один взвод из карантина. Со временем дружба крепла, здесь они держались несколько особняком от других, но служили исправно и без особых замечаний. Никакого проявления дедовщины или чего другого по отношению к ним как со стороны офицеров, так и со стороны сослуживцев не было. И вот позавчера Хетагуров говорит: – Лёха, слушай... тут до моего дома день ходьбы. Утром выйдем... Пару перевалов пройдём и вечером мы у меня дома. Оружие оставим здесь, денька три погуляем у меня. Винца попьём, с девками потрахаемся и вернёмся обратно. Раз без оружия ушли – значит самоволка и ничего нам не будет. Ну, посадят на гауптвахту – зато отдохнём...

Тут я не выдержал, вскочил с табуретки и стукнул говорившего осетина в лоб. Стукнул, правда, не сильно... Так для порядка и, схватив за шкуру солдата, подтащил его к большой географической карте Советского Союза: – Сынок, покажи мне, где твоя Осетия и где находимся мы...

Пока Хетагуров обиженно сопел у карты, я туда же приволок Климушкина: – Помогай, сука...

После пяти минут упорного поиска, в ходе которого я чуть не поубивал их за незнание обыкновенной географической карты: хоть свою страну и место, где ты служишь знали бы, но наконец-то нашли и ткнули пальцами.

– Долбоёбы, какой день ходьбы? Да здесь триста километров по горам... Да через партизанскую зону. Это во-первых, а во-вторых... Дебилы..., вы же пошли прямо в противоположную сторону. Где ваши мозги? Вы же дембеляяяяя..., – дальше я всё-таки не сдержался и от души врезал одному, а потом второму. Может быть бил и дальше, но меня оттащили офицеры.

– Товарищ майор..., товарищ майор...

– Что, товарищ майор? – Вызверился я на командира батальона, – Как твои офицеры бойцов учат? Вы же лучших сюда привезли... Какие лучшие? Давай мне сюда командира взвода и командира роты.

– Ну, ротный, вот он же, Смирнов – усмехнулся командир батальона и мотнул на стоявшего рядом старшего лейтенанта, которого в запальчивости не увидел.

– Смирнов..., – буром наехал на командира роты, – у тебя командиры взводов на политзанятиях спят что ли вместе с личным составом?

Старлей ни капли не смутился, лишь поморщился: – Товарищ майор, давайте тон поспокойнее сделайте. Не с лейтенантом сопливым разговариваете. Вы что первый день в армии служите и не знаете что у нас рабоче-крестьянская армия?

– Не надо софистикой, товарищ старший лейтенант, заниматься. У них среднее образование, а они пять минут вдвоём ищут место, где служат и где Осетия. Вот и цена вашим занятиям. А то что ваши необученные дебилы в противоположную сторону пошли – вот вам лично и оценка по занятию по военной топографии. Они даже не знают в какой стороне света солнце восходит и как по нему ориентироваться. И это дембеля, а что тогда остальные?

– Только не надо по двум дуракам о роте и их командирах судить. У них обоих родители простые работяги и ничего не могли им привить. Только обычные, на уровне амёбы, интересы. Закончат служить, тоже уйдут работать работягами, настрогают таких же бестолковых детей и всё повторится.

– Да я посмотрю у вас, товарищ Смирнов, на всё ответы есть лишь бы не работать. Когда три года назад моя батарея вошла в Чечню, я был спокоен и знал – если к моему солдату подойдёт любой «гнилой» журналюга и задаст провокационный вопрос – А что ты тут делаешь, товарищ солдат? И солдат чётко ответит – Восстанавливаю конституционный порядок..., уничтожаем криминальный режим и ещё пару цифр добавит. Ответят чётко, потому что нормально поработал комбат и замполит батарея. А многие солдаты из других подразделений блеяли – Не знаюююю... Не знаююю... Вот и цена работы командира. Ты вот сейчас приди к себе в роту и выдерни по одиночке сержантов и солдат и спроси каждого – А что ты тут делаешь солдат? Я уверен – хрен они тебе ответят. А..., впрочем, мне всё равно. Трахайся со своим личным составом и дальше.

– Ответят, не беспокойтесь... И работаем нормально...

– А я вот сомневаюсь. Кстати, вот почему, – я повернулся к командиру батальона, – когда проверял блок-посты вашего батальона и вот девятой роты, выяснил следующую фиговню. Солдаты на блок-постах чётко отвечают и действуют по инструкции. Например, в частности докладывают один из пунктов инструкции о личном досмотре подозрительных лиц. Задаю простенький вопрос – А как ты определяешь степень подозрительности? У него – Что??? Какие признаки подозрительные выпирают??? И всё – тут же плывут... Ничего сказать не могут. Вот и работа офицеров...

Через два часа ко мне пришёл командир батальона и пригласил в баню, где хорошо и душевно посидели с офицерами батальона.

В Сухуми я не спешил, поэтому на следующий день решил проверить миномётную батарею и противотанковый взвод. Всё было нормально, хотя вот с экипировкой слабовато. Но зато на их занятиях отдохнул душой. После обеда посидел и пообщался с особистом Андреем и вечером поехали в гости в сапёрную роту, которая стояла недалеко. Там командиром роты был Андруха Южмин, с которым я воевал в Чечне. Встретил он нас гостеприимно. День и наши

совместные посиделки закончился тоже хорошо. На разминировании. Подорвалась корова за селением Тагилони и мы в разгар посиделок, в темноте помчались на место подрыва.

Следующий день воскресенье. В батальоне всё идёт по плану выходного дня, а офицеры и прапорщики, со своими жёнами, у кого они были здесь, собирались на ту сторону, в Зугдиди на рынок. Я об этом не знал. Лежал на кровати и с удовольствием читал потрёпанную книгу. И так собирался провалиться до обеда, но предложение особиста Андрея проехать в Зугдиди сорвало меня с кровати и через пять минут в кузове ГАЗ-66, в большой и весёлой компании мчался к границе.

Проехали длинный и каменный мост через Ингури, проехали 301 блок-пост. Старинную крепость с высокими каменными стенами, сложенную из речных крупных булыжников и неплохо сохранившуюся. Меня сразу проинформировали – крепость 13 века. В Южной зоне безопасности я ещё не бывал и на всё смотрел с огромным любопытством. Сразу же бросилось в глаза, в противовес Абхазии, многолюдность. А когда въехали в город Зугдиди, людей стало ещё больше. Не сказать, чтоб на улицах кипела жизнь, но автомобилей тоже было больше и все они ездили по принципу – «Я самый крутой» из-за чего то тут, то там возмущённо гудели на разные голоса гудки машин, требующие дорогу. Но наш ГАЗ-66, с миротворческими номерами был круче всех и грузины с неохотой, но уступали нам дорогу. В центре города, рядом с городским рынком, был вообще хаос и как тут автомобили не бились на каждом метре друг об друга – непонятно. Но наш водитель уверенно проложил дорогу через сборище различного транспорта, избежал наезда на пешеходов, которые прямо чуть ли не сами прыгали под колёса и мы благополучно остановились недалеко от главного входа на рынок. Да, Сухумский рынок, даже рядом не стоял с Зугдидским.

– Что? Впечатляет? – Андрей вылез из машины и отдавал последние распоряжения водителю и ещё нескольким солдатам, которые оставались на охране, – Считается самый богатый рынок в этой части Грузии.

– Да, оно видно. Слушай, Андрей, если у тебя тут нет своих задач – я к тебе прицеплюсь. А то только тебя да замполита знаю.

– Лучше сделаем так. Ты цепляйся за замполита с женой, а я тебя сам потом найду.

Видать ему надо было здесь с кем-то встретится и порешать свои особистские дела. Кроме замполита с женой, были ещё офицеры и прапорщики. Некоторые с женами, но я их не знал и мне было неудобно «падать на хвост» замполитовской чете. Но его жена, волевая и решительная женщина и сам капитан, восприняли мою робкую просьбу присоединиться к ним, нормально. Все сначала толпой пошли к менялам и поменяли российские рубли на местные фантики – Лари. Кто-то менял на доллары. Поменяв, сразу же растворялись в рыночной толпе. Рынок как рынок. Типичное, центральное здание сразу же у входа на рынок. Только зашли и сразу свернули влево, обойдя центральный фасад, свернули вправо к длинным рядам, заполненные многообразием различных ёмкостей с умопорачительными соленьями, отчего рот сразу же наполнился густой слюной. Протолкавшись вперёд, через боковой вход зашли в рыночный павильон и тут на мои обонятельные органы обрушился новый удар – всевозможные запахи копчёных сыров. Тягучая слюна уже чуть ли не капала у меня изо рта, а в животе громко и требовательно заурчал мотор.

Денег у меня с собой не было, поэтому чувствовал себя очень некомфортно, когда замполит с женой наперебой щедро угощали меня тут же купленной всячиной. Я даже подумать не мог, что через какое-то время, буду сам по-хозяйски расхаживать по Зугдидскому рынку и продавцы, знающие, кто я такой, будут наперебой угощать меня своими разносолами. За полтора часа мы обошли все ряды и, обвешанные сумками, самых разных размеров и расцветок вернулись к машине. В течение двадцати минут подошли остальные. Вынырнул из толпы особист и мы всей толпой направились в ближайшее кафе. Я хотел остаться, по причине безденежья, но меня с шуточками и со смехом утащили обедать с собой офицеры и прапорщики

батальона. Обед с небольшим возлиянием прошёл в непринуждённой обстановке. А выйдя из кафе, все опять разбежались по своим делам и тут Андрей предложил: – Я свои основные дела сделал и сейчас хочу встретиться с одним человеком. Заодно и тебя познакомлю. Очень полезное знакомство будет.

Я с удовольствием согласился и мы опять направились на рынок и по дороге особист рассказал о будущем визави.

– Сейчас познакомлю тебя с местным коньячным бароном. На рынке он держит небольшую лавчонку с разнообразным мелочным товаром, но это только прикрытие и место, где его всегда можно найти. Одна из основных его криминальных линий – это торговля коньячным спиртом. И самые уважаемые покупатели – миротворцы. Берут как местные миротворцы, так и миротворцы с Абхазии и десантники с Гудауты. Минимальная партия коньяка – 10 литров. А так покупают у него в основном по 20 и больше литров. Тут ещё некоторые местные стараются наладить продажи коньяка миротворцам, но у него самый лучший....

С противоположного конца каменного павильона, прямо у входа примостилась, действительно невидная лавчонка, бойко торговавшая повседневной мелочью, начиная от батареек и кончая электрическими чайниками и ножами для мясорубок. Андрей нырнул в неглубокую глубину хлипкого торгового сооружения и через несколько секунд вылез оттуда с невысоким, простенько одетым, рыжеватым молодым мужиком. Да, он всем своим видом соответствовал своей лавке и никак не тянул на высокое звание «Коньячного барона», но я с воодушевлением протянул руку и мы обрадовались друг другу, услышав, что обоих зовут – Боря.

– О, Борис, такое знакомство нужно обмыть. Поехали ко мне домой, – сходу предложил грузинский тёзка и местный авторитет. Мы с воодушевлением согласились и через пять минут ехали в сторону окраины. Я сидел на капоте в кабине, а тёзка трясся в кузове с солдатами. Десять минут езды по узким и кривым улицам и мы остановились у двухэтажного дома, типичной грузинской архитектуры. Расположились на террасе первого этажа и в пять минут тёзка накрыл стол простой, но сытной закуской и тут же водрузил полутора литровый графин с тёмной жидкостью. Ну.... Тут даже гадать не стоило – это был коньяк или может быть коньячный спирт.

Пробормотав уже привычный на слух неизменный тост – «За мир во всём мире», – Боря лихо опрокинул хорошую стопку алкоголя в рот. Мы последовали его примеру и надо сказать спиртное оказалось отменного качества.

– Ого.., ты гляди-ка ...., Хорош..., – и полез вилкой за закуской, одновременно рассказывая, – когда воевали в Чечне, наш полк взял коньячный завод в посёлке Гикаловский. 400 тонн коньяка. Вернее не коньяка, а коньячного спирта. Из него они делали коньяк «Кавказ». Ну.., не сравнить с этим. Хорош.... Хорош....

Польщённый похвалой Боря вскочил с места и метнулся в дом и через минуту вышел с двумя двадцатилитровыми канистрами. Одну поставил рядом с особистом: – Это как ты, Андрей, заказывал. А это тебе, Борис, в знак знакомства, – рядом с моим стулом опустилась вторая канистра.

– Боря, блин...., у меня денег с собой нет.

– Это тебе подарок, – безапелляционно заявил грузин. А потом мы хорошо и душевно посидели. Боря потяжелел и уже не захотел возвращаться на рынок, а мы вернувшись и забрав затаренных офицеров и прапорщиков, вернулись обратно в батальон. Я ещё там пробыл сутки и уехал в Сухуми.

Я думал, что меня отдерут за такой балдёж в батальоне, но обошлось. Полковник Петренко молча и гневно потряс перед моим лицом пальцем, но ругаться не стал. Командующий загадочно ухмыльнулся, когда я доложил о прибытии и отпустил меня. Мой начальник полковник Максимов крепко пожал мою руку, когда доложил, а когда спросил – Как тут начальство

реагировало на моё отсутствие? – Махнул рукой и неопределённо выразился: – А ну их на х... Главное, как я отреагировал, а я нормально... Сам бы так поступил, только б не здесь...

Ну, а мне то что? Вечером накрыл стол, пригласил сослуживцев и выставил канистру с коньяком и на такой оптимистической ноте для меня закончился этот эпизод нашей миротворческой жизни.

Постепенно подходил Новый год. За неделю до него стало известно, что само празднование будет проходить централизованно в огромном банкетном зале санатория с присутствием всех офицеров и прапорщиков с жёнами, у кого они были здесь или подъедут. Готовилась и культурная программа праздничного вечера, но здесь в основном нагрузка ложилась на Володю Петрова. Подполковник когда-то был замполитом, а если по-честному – он в душе им и остался, а с ним ещё здесь проживала его жена. Очень активная и привлекательная дама. Надо сказать, что она была подстать бывшему политработнику Володе и прекрасно играла на музыкальных инструментах, пела и органично влилась в подготовку праздничного вечера. Я уж не говорю про остальных политработников. А мы, простые офицеры терпеливо ожидали праздника и праздничного действия. Интрига здесь была только одна – Кто пойдёт в наряд на Новый год? Но вскоре и она разрешилась. Володю Петрова ставить нельзя было – он с женой были ведущими вечера. Оставались только мы четверо – Я, майор Кокин, Паша Мошкин и мой тёзка подполковник Буреёв. Я, честно говоря, думал что поставят безобидного и безответного майора Кокина. Ему просто скажут и Алексей пойдёт. И тут даже вопрос не в его безответности – просто у Алексея был неконфликтный характер. Если бы любому из нас троих предложили или даже приказали, то мы бы нашли кучу уважительных причин, даже идиотских, но только не пойти. Нашли бы подходы и отходы... Мне, по этому поводу, вспомнилось начало моей службы прапорщиком. Когда служил год после школы прапорщиков командиром взвода в арт. полку, то очень редко ходил дежурным по столовой. Мой наряд был по парку или КПП, а старшины строго «летали» только в столовую. Но через год нас перевели в мотострелковый полк, где был развёрнут дивизион и тут я стал активно ходить дежурным по столовой, а старшины нет.

Блинннн..., вот где я хватил лиха. В арт. полку, где на довольствии было около шестисот человек и традиционный порядок, наряд по столовой был лёгким. Но здесь, в мотострелковом полку, на довольствии было две с половиной тысячи и куча негативных традиций, связанных со столовой. Вот это было Даааа... После такого дежурства я приходил домой и у меня сил хватало только принять душ и упасть на кровать. И если ты не приходишь на следующий день на службу – это воспринималось, как будто ты вернулся из недельного рейда по тылам противника. И вот я летаю и летаю, чуть ли не за всех прапорщиков дивизиона и не могу понять – А чего я летаю? И со своими солдатами и чужими? Подхожу к начальнику штаба дивизиона и задаю законный вопрос – Почему я, командир второго огневого взвода первой батареи, должен идти дежурным по столовой с личным составом второй батареи? Или третьей? С которыми я летал...

– А кого я поставлю? – Нервно отвечал начальник штаба, тревожно глядя на меня, – у старшины второй батареи от дежурства по столовой давление в глазах повышалось и он потом неделю ни хрена не видит. В третьей батарее старшина приходит в пред инфарктное состояние, хоть на носилках его оттуда неси, а твой переболел каким-то гепатитом, с которым к столовой ближе чем на сто метров приближаться нельзя. А офицеров ставить туда не буду. Не положено... – И я ходил, трахался с личным составом чужих батарей и на следующий день, когда можно было валяться дома – добросовестно бежал на службу.

Через какое-то время, на очередной офицерской пирушке, куда я был вхож, по пьяни пожаловался на эту несправедливость. Офицеры долго и искренне смеялись, сочувственно похлопывая меня по плечу: – Ну ты, Боря, и зелёёёёённый... Ты что, действительно не знаешь как эти вопросы решаются? Ну, ты даёшь... Боря. Одна, две бутылки водки «Луникофф» и тебе врачи нарисуют любую справку, вплоть до того, что у тебя после наряда по столовой

правая нога становится короче левой на пять сантиметров и на следующий день ты не можешь проводить занятия по строевой подготовке с личным составом. Во..., как будет интересно выкручиваться из этого положения начальник штаба...?

Так и здесь думал. Но командование решило по своему. Дежурным на Новый год шёл подполковник Буреев, а я его вечером 1го января менял. А Буреев не огорчился: – Ну и схожу.... Подумаешь... Зато тебе не нарезать..., ничего..., а я сменюсь и выпью спокойно и два дня меня никто дёргать не будет.

Празднование Новогоднего вечера прошло хорошо – весело, интересно, с выдумкой и надо отдать должное Володе Петрову и его жене, а также Андрюхе Ямшанову. Запомнил лишь два момента. В середине вечера набравшись храбрости от чрезмерного количества выпитого алкоголя Алексей Кокин, вспомнив что он танкист, вышел на середину зала, закрыл глаза и без передыху оттарабанил, спел, сорок девять куплетов песни про танкиста.

Напрасно старушка ждёт сына домой.....

Спел нормально... от души, но Командующий нахмурил брови, ему явно не понравился данный пассаж.

Ровно в двенадцать часов, проорав под бой курантов традиционное УРА, мы дружно вывалились на высокое и просторное крыльцо. В Сухуми тоже праздновали Новый год в полный рост. Так как стрелкового оружия на руках у населения было полно, оно и отрывалось по полной программе в ночное чистое небо. Одиночные выстрелы перехлёстывались автоматными и пулемётными очередями, расчерчивая небо в разных направлениях трассерами. Осветительные и сигнальные ракеты десятками, как будто были прибиты к звёздному небу неизвестными небесными светилами. Где-то вдалеке бухала раз за разом семидесятишести миллиметровая пушка. Но всё это разом перекрыл танк, выстрелив несколько раз откуда-то с горы и совсем недалеко. Снаряды, звучно прошелестев в воздухе, упали и взорвались в море в километре от берега красивыми, высокими фонтанами воды. Вся эта канонада грохотала минут пять, а потом пошла на убыль, лишь временами спорадически усиливаясь в разных концах города.

Отпраздновав Новый год, служба опять потекла спокойно и размеренно. Но в мою жизнь всё чаще и чаще стала закрадываться не хилая тревога. И дело было в должности начальника штаба Южной Зоны Безопасности. Где-то в начале января просочились слухи о возникших разногласиях и трениях в отношениях между начальником Зоны Безопасности полковником Дорофеевым и начальником штаба, вплоть до откомандирования подполковника Буйновым в Сухуми. Вопрос о возвращении подполковника стоял так остро, что ему начали подбирать замену. Причём её, конечно, начали искать среди оперативников. И всё поворачивалось так, что выбор всё время падал на меня. Что меня здорово встревожило: мне совершенно не хотелось ехать чёрт знает куда. Из спокойной жизни окунуться в беспокойство. Жить в разбитой войной птицефабрике. Принимать решения. Да и до моря, как мне рассказывали – 40 километров, вместо наших 50 метров.

Через две недели всё вновь успокоилось: Буйнов помирился с Дорофеевым и наша штабная жизнь вновь вошла в нормальную колею. Но неожиданный вызов в кабинет Командующего миротворческих сил всё расставил на свои места....

– Товарищ Командующий, майор Копытов по Вашему приказанию прибыл, – я резко опустил руку и принял стойку «Вольно».

– Садись, майор, – генерал-майор Коробко благосклонно кивнул на стул у его стола и когда я удобно расположился и приготовился слушать, спросил.

– Ну, как тебе здесь служится?

Я насторожился. Как правило, начальство зря такие вопросы не задаёт, поэтому ответил осторожно и нейтрально: – Нормально, товарищ генерал-майор.

Коробко изменил направление вопросов: – Копытов, ты кем до нас служил?

Я про себя ломал голову над тем, куда Командующий клонит и ни как не мог понять, поэтому старался отвечать односложно и осторожно: – Командиром самоходно-артиллерийского дивизиона, товарищ Командующий.

Генерал оживился: – Да ты, Копытов, серьёзную должность занимал.

Я попытался отмахнуться: – Да что вы, товарищ генерал-майор. Так..., командир кадрированного дивизиона. Ничего серьёзного.

– Да ладно тебе прибедняться. У нас в штабе вон, одни штабники. А ты строевой офицер, – генерал мотнул головой на мои орденские планки, – воевал. Подполковник Петров рассказывал, что ты живая легенда своего полка. Пороха понюхал достаточно. И иностранные боевые награды я гляжу у тебя есть....

Мне было приятно слышать слова Командующего, но всё равно меня не оставляла ощущение ловушки.

– Да ну, товарищ Командующий, какая живая легенда? Воевал как все: не хуже и не лучше других. Да..., горжусь, конечно, что в полку было единственное подразделение, где не было убитых – это моя противотанковая батарея. Горжусь и тем, что на счету батареи официально числится 70 уничтоженных боевиков, три танка, два БМП, куча огневых точек и наблюдательных пунктов, десятки машин и ни одного убитых моих подчинённых – только двое раненых. Может это и случайность, а может и плоды моей жёсткой политики при поддержании железной дисциплины в подразделении. Не знаю..., – задумчиво протянул я, как бы оглядываясь назад, а потом продолжил, – ну, может быть, отличался от других тем, что старался воевать с юмором...

– Как, это так? – Удивлённо перебил меня генерал Коробко.

– Ну, товарищ Командующий, едет например автомобиль «Волга» набитая боевиками. Так мне не интересно просто по ней запустить ракету и уничтожить машину с бандюгами. Нет, я сделаю это так, что потом весь полк оживлённо делиться впечатлениями о работе противотанкистов...

– Ну-ка, ну-ка расскажи-ка по подробнее.

– Сидим мы как-то в засаде и видим, как на поле застряла легковушка с боевиками. Офицеры, кто был со мной, хотели сразу же её уничтожить, но я предложил дожждаться, когда один из них сбегает в деревню за помощью и тогда уничтожить две машины. Офицеры согласились. Боевик убежал и через сорок минут примчалась МТЛБ. О такой удаче мы и мечтать не могли. Когда они зацепили машину, то первой ракетой я уничтожил легковушку с боевиками, второй – МТЛБ. Но механик-водитель МТЛБэшки успел выскочить из машины и помчался по полю к деревне. Все засуетились, хотели его следующей ракетой уничтожить, а я предложил – пусть он спокойно добежит до деревни и там его грохнем....

– А зачем так делать? Какая разница – где его валить? – Удивлённо протянул генерал.

– Во..., товарищ генерал, и мои удивились. А знаете, как это было смешно, когда он чесал по полю с пыльным шлейфом – как от хорошего автомобиля, ожидая каждую секунду роковых выстрелов по себе. А выстрелов всё нет и нет..., скорость он всё снижает и снижает.... И вдруг, уверовав, что он спасся, душара остановился на окраине и нервно закурил, наверно, глядя на чёрный дым от машин и размышляя о счастливой своей звезде, о справедливости Аллаха и так далее. А когда он повернулся и спокойно зашагал к окраине – тут мы его и сделали...

– Ну, ты и изверг, Копытов..., – задумчиво протянул Командующий, помолчал и неожиданно спросил, – А сюда как ты попал? Послали или сам напросился?

– Да служил, товарищ Командующий, в кадрированном полку и скучно было. Солдат в полку не было. У меня в дивизионе было лишь двое офицеров. Всё что можно было сделать, я сделал и затосковал, – сам, того не замечая, я уверенно лез в распахнутые ворота ловушки – лез как баран, не замечая, как Командующий всё более и более оживлялся. А я, не замечая этого,

всё «пел и пел», – а тут подвернулась возможность сменить обстановку и я воспользовался ею...

Я резко оборвал свой рассказ, внезапно поняв, куда клонил Коробко, но было уже поздно.

Командующий манерно захлопал в ладоши, а потом энергично потёр их друг об друга: – Во, Копытов – всё правильно... Вы, наверно, думаете что сидит Командующий как сыч в своём кабинете и ничего кроме службы не видит. Погряз генерал в сложных отношениях с ООНовцами, с грузинами и абхазами и ничего не знает. Эээ... , ошибаетесь. – Коробко помахал наставительно указательным пальцем передо мной, – Командующий всё видит, Командующий всё знает. Командующий знает, что Копытов от безделья по несколько раз на дню на спортгородок бегает, часами бродит по побережью моря. Знает и то, что Копытов по воскресеньям с подполковником Морозовым, вопреки приказу Командующего, с рынка пешком возвращаются и при этом не пропускают ни одного ресторана, ни одного кафе. Знаю и не наказываю, потому что эти два русских мужика пьют везде, но чести российского офицера, чести России не теряют и ведут себя весьма порядочно. Я ведь, Копытов, знаю почему ты не с

Пашей Мошкиным по этим кафешкам бегаешь... Ну, ладно – лирику в сторону. Давай к делу переходить.

Командующий вышел из-за стола и несколько раз энергично прошёлся по своему небольшому кабинету, потом резко отодвинул стул от стола и сел прямо передо мной.

– Майор, я мог, конечно, поставить тебя по стойке «Смирно» и приказать убыть в Зугдиди, для приёма должности начальника штаба, – генерал значительно помолчал, сверля меня глазами, – но если есть возможность, почему бы не поговорить по душам и убедить подчинённого в том, что это необходимо именно ему выполнить, а не другому. Вижу – отдохнул ты тут и затосковал. И в горы ты тогда сбежал с особистом и по партизанским районам с удовольствием шастал. Ведь ни один штабист наш так не поступил бы. Так что, Копытов, собирай свои сумки, каску свою знаменитую и готовься к новой деятельности – там тебе скучно не будет. Что скажешь?

Я едва вслушивался о чём говорил мой начальник и лихорадочно искал благозвучные причины чтобы отказать, но в голову ничего толкового не лезло, а говорить что-то надо.

– Товарищ Командующий, почему я? Ведь посмотрите: в оперативном отделе есть более грамотные офицеры. Там ведь все «академики» – Паша Мошкин. То есть подполковник Мошкин, подполковник Петров, подполковник Буреев или же майор Кокин – добросовестнейший офицер, а у меня только среднее образование. Они, наверняка, лучше меня справятся с должностью начальника штаба. Я ведь не «штабной», а только строевой офицер...

Командующий ещё больше заулыбался: – Товарищ майор, и этот твой ход я предусмотрел, но если ты ещё раз произнесёшь фамилию Мошкин – то твой друг Паша завтра же улетит на вертолёте в Россию. Если он думает что я забыл этот его позор с полячкой, то он глубоко ошибается.

– Копытов, если ты не знаешь чем занимается начальник штаба там, то я тебе сейчас всё это популярно расскажу. В Южной Зоне Безопасности ситуацией и обстановкой будете рулить полковник Дорофеев и ты. А должность начальника штаба, согласно устава, имеет право отдавать приказы от имени командира и начальник штаба согласно своих обязанностей отвечает также и за ведение разведки – чем ты там и будешь в основном заниматься. А не бумажки перекладывать и подписывать, как ты думаешь. Помимо этого ты будешь контактировать с городской и краевой полицией, с управлением государственной безопасности, с руководством мэрии Зугдиди, тесно работать с миссией военных наблюдателей ООН и другими иностранными неправительственными организациями. Не только контактировать и работать, а «качать» и «качать» информацию. Сам понимаешь – без выпивки здесь не обойтись, – Командующий развёл руками и сделал значительную паузу, а потом ехидно продолжил, – Ну а теперь давай

рассмотрим персоналии. Паша Мошкин – твой друг. Ты вспомни, вспомни, Копытов, эту историю с полячкой...

...Мы уже два часа сидели с Пашей в небольшом и уютном кафе на берегу моря. Я был в прекрасном настроении и в пол уха слушал очередной бред пьяного товарища на сексуальную тему, вкушая прекрасно приготовленную рыбу. У Паши был на этот счёт «бзик» – когда он выпьет то, считал себя неотразимым Дон Жуаном, хотя сейчас он выглядел обыкновенным алкашом только в военной форме. Правда, будучи трезвым Паша вполне прилично выглядел и по трезвянке мог бы иметь некоторый – но только некоторый успех, причём, у не совсем разборчивых женщин. Покончив с рыбой, я откинулся на спинку стула и сожалением посмотрел на подполковника: – Пора заканчивать с Пашей выпивать. Опять выпил всего триста грамм водки и «поплыл». Ну, ёлки-палки и это офицер...!

Паша Мошкин, закончив свой очередной вымысел, пьяными, заплывшими от водки глазами оглядывал посетителей женского пола, медленно переводя взгляд от одной женщины к другой.

– Во..., Боря, вот это баба..., – восхищённо воскликнул опьяневший товарищ и кивнул куда-то за мою спину. Я, как будто случайно, оглянулся и взглянул на группу ООНовцев оживлённо вошедших в кафе. Это были знакомые мне военные наблюдатели от ООН: здесь был Гарри Табах – американский наблюдатель, с развед. группой которого мне приходилось несколько раз сталкиваться в боестолкновении на границе с Гондурасом десять лет тому назад, пару турок, один швед, поляк и незнакомая мне ООНовка, в камуфляжной форме. Действительно, женщина была очень привлекательна – высокая, стройная блондинка. Камуфляжная форма с польскими знаками различия, выгодно подчёркивала красивую фигуру и все остальные её женские прелести. Гарри Табах взмахом руки поприветствовал меня, остальные отделались лишь вежливыми кивками, а полячка безразлично скользнула по нам серо-бархатными глазами.

– Да, Паша, прелестное создание, но не для нас, – без сожаления констатировал я, отвернувшись от вошедших.

– Боря, Боря... Спокуха. Если ты на неё не претендуешь, то я её сегодня клею.

– Паша, да я и не собирался знакомиться с ней, – засмеялся в ответ, – и тебе не советую даже к ней близко приближаться.

– Боря, обижаешь, – Паша наклонился через стол и, дыша почти мне в лицо свежим водочным перегаром, возбуждённо зашептал, – Боря, да я могу с тобой поспорить на пару коньяка, что сегодня она отсюда уйдёт только со мной.

Подполковник откинулся обратно и с хитровато-пьяной ухмылкой свысока поглядел на меня, потом помахал пальцем перед моим лицом: – Всё будет, как я задумал.

Я несколько вспылал и достаточно резко ответил: – Паша, сходи в туалет и критически посмотри на себя в зеркало – только в большое посмотри, там лучше видно. Этой полячке нужно будет выпить ну очень много водки, чтобы опуститься до твоего уровня, но она к сожалению или к радости столько просто пить не будет.

Мошкин не обиделся, как я ожидал, а лишь скептически, насколько это можно было в его состоянии, улыбнулся и стал разливать водку по рюмкам.

– А.., если хочет опозориться, то пусть делает что хочет, – решил про себя и с удовольствием накатил очередную рюмку.

В течение последующих пятнадцати минут, пока ООНовцы ждали заказ, Паша навернул ещё три рюмки водки и ещё больше опьянел. Мои надежды, что он надерётся и забудет про женщину, не оправдались и едва заиграла музыка, Паша вскочил с места – это ему так показалось, что он легко вскочил. На самом деле он мучительно долго выдирался из-за стола, едва его не опрокинув. Опасно качнувшись в сторону, Паша всё-таки установил равновесие и достаточно твёрдым шагом направился к столику военных наблюдателей. Я предполагал, что Паше

сейчас вежливо откажут и он спокойненько вернётся ко мне. Но действительность оказалась гораздо хуже. Подполковник подошёл к столику ООНовцев и сделал пару неуклюжих комплиментов полячке, после чего непринуждённо облокотился на стол, это ему тоже так показалось, со стороны же хорошо было видно, как Паша тяжело опёрся руками на край стола и здесь силы его оставили. Правая рука предательски подогнулась и Мошкин всем своим телом рухнул на стол, заставленный только что принесёнными закусками и салатами. Сидевшие за столом резко отпрянули и вскочили со стульев, а Паша сделав попытку выпрямиться, лишь усугубил ситуацию – скатился со стола и упал на пол, потянув на себя зажатую в кулаке скатерть. Удивлённые крики, звон бьющейся посуды оглушительным грохотом обрушился на меня. Подполковник, облитый соусами, чересчур резко вскочил с пола, тут же поскользнулся на салате и, резко взмахнув руками, рухнул на соседний столик, также успешно завалив его на пол вместе с сидевшими.

Потом был позор, голимый, сплошной позор. ООНовцы, возмущённые до глубины души, удалились из кафе, а я долго и нудно извинялся перед посетителями из местных, которые впрочем всё это восприняли, как развлечение. Потом извинялся перед администрацией кафе и из своего кармана платил причинённые убытки. Паша, в это время в отключке, сидел на стуле и под весёлый смех присутствующих пару раз падал со стула на пол. В довершение всего мне пришлось взвалить на себя беспомощное тело офицера, перемазанного салатами и соусом и тащить в гостиницу. На следующее утро Командующего посетила целая делегация военных наблюдателей, которая высказала справедливое возмущение поведением российского офицера и его непотребным видом, правда обо мне они отозвались хорошо....

– Вижу, улыбаешься – значит вспомнил. Вот так подполковник Мошкин напьётся и упадёт. Кстати, его ООНовцы и не примут – опозорился он, – Командующий развёл руками и многозначительно помолчал.

– Подполковник Петров, – менторским тоном продолжил Командующий, – эта кандидатура даже не рассматривается. Единственно, что он может хорошо делать, так это организовывать мероприятия и концерты. Так он и будет вместе со своей женой болтаться по блок-постам и брэнчать там на гитаре на радость солдатам.

– Буреев, подполковник. Ну...., этот выпьет и никому слова не даст сказать. Сам выболтает всю информацию и ещё потом будет искренне и долго удивляться – откуда, мол, противник всё про нас знает?

Остаётся майор Кокин. Мастер спорта по боксу, а такие звания, товарищ майор, чтоб ты знал без ущерба для здоровья так просто не даются. Поэтому поведение Кокина и некоторые его поступки неоднозначны. Вспомни, как он на Новогоднем вечере выпил и спел же 49 куплетов про танкистов. Да ещё в стойке «Смирно!». Так он и у ООНовцев встанет и будет петь....

.... Майор Кокин Алексей – это особый разговор. Прибыл он через неделю, после моего прибытия и его поселили ко мне в номер. Маленький, щуплый, несколько неадекватный в поведении, но искренний он сразу привязался ко мне, признав во мне старшего брата. Молчаливый и старательный он полностью положился на меня и всюду тенью следовал за мной. Пить он не умел и сильно хмелел после первой же рюмки. Как-то раз, во время очередной выпивки, Лёха разоткровенничался и рассказал о своей боксёрской карьере...

– ....Боря, если сложить все удары, которые приняла моя голова то наверно можно пробить земную кору, а это так просто не проходит. С головой у меня не всё в порядке и мне приходится только большим усилием своей воли контролировать себя.

Я и сам замечал, что Алексей часто «тормозил», когда с ним разговариваешь. Был у нас в штабе майор-связист, Василий – здоровяк, красивый мужчина, любимец женщин, он сразу же почему-то невзлюбил Кокина и не скрывал этого. Однажды вечером мы шли с Лёхой из ресторанчика и к нам подошёл Василий. Поздоровался за руку со мной, проигнорировав Кокина, и стал обсуждать один из служебных вопросов. Лёха попытался принять участие в

разговоре, но Василий грубо оттолкнул Кокина в сторону и с раздражением произнёс: – Ты..., недоросль..., стой молча и слушай, когда нормальные офицеры разговаривают.

Лёха насупился и, развернувшись, ушёл в сторону гостиницы, а я возмутился: – Василий, ты что себе позволяешь? Майор Кокин хороший, добросовестный офицер и как мужик он нормальный и ты так зря к нему относишься.

Василий отмахнулся от моих слов и попытался продолжить разговор, но тут из темноты внезапно появился Кокин и с ходу предложил подраться. Василий коротким и сильным тычком ладони в лоб отбросил Алексея в кусты и, засмеявшись, назидательно произнёс выбиравшимся из кустов майору.

– Кокин, иди, покушай сначала хорошо, чтобы веса хотя бы набраться, а потом уж что-то такое предлагай.

Лёха, сильно и обиженно засопев, встал в стойку. Не успел я кинуться между ними, как Василий нанёс новый удар Кокину, но уже кулаком. Алексей ловко ушёл в сторону и когда Василий, потеряв равновесие, пролетал по инерции мимо него, Кокин нанёс точный удар в челюсть связисту и тот кубарем улетел в кусты. С рёвом раненого бизона, Василий вскочил на ноги и кинулся на обидчика, но Алексей, увернувшись от новой атаки, вновь сильным и точным ударом завалил связиста на землю. Слепленный яростью и болью, Василий раз за разом кидался на Кокина и каждый раз Алексей уходил с линии атаки и точными ударами бил и бил связиста. Я стоял в сторонке и уже не вмешивался, понимая, что Кокин бьёт Василия аккуратно, хотя и больно и нет у него цели изуродовать своего противника, а лишь поставить того на место.

Через несколько минут лицо майора связиста было покрыто синяками и ссадинами, из носа и с разбитых губ обильно капала кровь, а Василий уже не кидался на Кокина, а лишь бессильно матерился.

– Ну, Алексей, – моему восхищению не было предела, – так отделать противника, который тяжелей тебя почти в два раза... Ну, я скажу, что ты не зря мастера получил....

На следующий вечер Василий попытался взять реванш, но был снова отлуплен и, причём, более жёстче, чем накануне. А на следующий вечер, Лёха Кокин напился и сам пошёл искать связиста, чтобы набить ему рожу. Смех и слёзы. Теперь, когда Лёха напивался, все звонили об этом Василию и тот вынужден был прятаться от своего врага...

– ... Вот так, Копытов, готовься. Через неделю слетаешь на вертолёте на смотрины к полковнику Дорофееву, сам осмотришься там....

– Товарищ командующий, – нетактично оборвал я Коробко и сделал последнюю неуклюжую попытку отказаться, – да, я сам иногда так напиваюсь, что сам себе удивляюсь....

Командующий рассмеялся и поднялся из-за стола: – Товарищ майор, я не видел, как вы напиваетесь и думаю, что и не увижу, а сейчас давай, иди к генералу Суконному. Он тебя проинструктирует более подробно.

Тяжело вздохнув, я вышел из кабинета Командующего и сразу же постучался в соседнюю дверь.

– Заходи, заходи, Боря, – опередил мой доклад о прибытии генерал Суконный и радушно усадил за стол, – знаю, знаю зачем пришёл и думаю, что мы сработаемся.

Я смотрел на суетившегося генерала и мне абсолютно не хотелось срабатываться с ним и дело даже было не в том, что я не хотел туда ехать, а в другом.

Генерал-майор Суконный, начальник штаба миротворческих сил в зоне Грузино-Абхазского конфликта внешне выглядел солидно и импозантно. Камуфляжная форма с полевыми генеральскими погонами ладно сидела на его крепкой фигуре. Мужественное и волевое лицо свело с ума, наверно, не одну женщину. В общении с подчинёнными начальник штаба был прост и мог запросто побазарить, именно побазарить, на любую тему с офицерами, иногда любил поиграть и в демократию. Но при всех своих положительных, внешних признаках гене-

рал не пользовался авторитетом у офицеров штаба. Его сторонились, если была возможность, потому что за внешностью благодушного начальника скрывался беспринципный хищник и подлая натура – за малейшую провинность начальник штаба мог запросто выкинуть любого офицера в Россию, тем самым подпортить репутацию и дальнейшую карьеру. И выкидывал. Все знали, да и Суконный сам особо не скрывал, что он здесь в ссылке – до суда. И частенько, рисуясь перед нами на еженедельных совещаниях, которые он проводил в отсутствие Командующего, начальник штаба свысока посмеивался над нами.

– Что? Ждёте, когда меня вызовут на суд и посадят? Да... , я украл 4 миллиарда рублей и я обеспечил свою семью, и да и себя тоже, а вы дураки – так и будете жить нищими. Запомните – Таких, как я не сажают...

Но вот пришёл долгожданный вызов генералу на суд, Суконный быстро собрался и уехал, мы думали, что навсегда, надеясь на справедливое правосудие. Ошибались, жестоко ошибались. Через две недели перед нашим строем вновь появился улыбающийся генерал.

– Что – не ждали? Думали – посадят? Хрен вам – оправдали и дело закрыли. И поэтому я сейчас могу спокойно вам заявить – не 4 миллиарда украл, а 11...

С приездом Коробко Суконный попритих, ощущая неприязнь честного генерала. Теперь, чтобы начальник штаба захотел выкинуть какого-либо офицера в Россию – ему бы пришлось наткнуться на непреклонность Командующего, который мог бы и сам его выкинуть из Абхазии.

– ...Копытов, ну что – теперь поработаем с тобой вместе. Буйнов справлялся, я думаю что ты не хуже его поработаешь – как в плане выполнения своих обязанностей, так и по моим личным поручениям.

Я ещё больше затосковал, зная нечистоплотность генерала.

– А... , ладно, как-нибудь выкручусь и не поддамся ему, – махнул про себя рукой.

– Боря, ты что молчишь как сыч или недоволен назначением? – Спросил генерал, но уже с нотками раздражения в голосе.

– Да, нет, товарищ генерал, жду... , когда начнёте инструктировать.

Суконный снова расплылся в довольной улыбке и, пошарив рукой в глубине сейфа, выудил бутылку коньяка. Разлил по рюмкам и одну пододвинул ко мне: – Ну, давай, товарищ майор, выпьем за совместное сотрудничество.

Я вслед за начальством выпил коньяк, закусил долькой шоколада, задумчиво наблюдая, как генерал наливает по второй: – Блин, не за работу, а за сотрудничество – плохо ты меня знаешь, товарищ генерал.

– Боря, – панибратским тоном начал начальник штаба, – по обязанностям, которые ты там будешь выполнять тебя, лучше чем я, проинструктирует Буйнов. Введёт в курс дела, познакомит с кем надо. Также ты будешь решать и другие вопросы, о которых я буду тебе сообщать по мере поступления, но они должны остаться только между нами. Я к тебе давно приглядывался и если честно говорить, то мог бы давно тебя отсюда выкинуть... Но я этого не делал и ты должен это оценить....

Суконный сделал многозначительную паузу: – Ты вник – в то, что я тебе толкую?

– Так точно, товарищ генерал-майор, – с пафосом воскликнул я, имитируя готовность выполнить любое его приказание, а сам злорадно подумал про себя, – я тебе покажу, генерал, «как с дураками связываться»...

Через две недели состоялись смотрины. Мы прилетели в Зугдиди на вертолёт и приземлились у птицефабрики, где располагался российский миротворческий батальон. Место мне сразу не понравилось: разбитое войной здание управления птицефабрики, где располагался штаб батальона и помещение для проживания офицеров, а также мой будущий кабинет одновременно и спальня. Полуразрушенные курятники, где размещались казармы солдат. Я обменялся с полковником Дорофеевым несколькими ничего не значащими фразами, затем мне показали, где я буду жить. Несмотря на яркий солнечный свет, дул сильный ветер, хлопая

разорванной полиэтиленовой плёнкой на окнах, холод в помещениях... и всё остальное увиденное не прибавило мне оптимизма, а лишь ещё больше вогнало в тоску. На обратном пути генерал Суконный отстранил от управления второго пилота и сам сел за рычаги вертолѐта. Опасное рысканье по курсу и ныряние по высоте, а потом показное пикирование на девятиэтажное здание, на крыше которого суетился расчѐт вокруг зенитной установки в Очамчире: всё это привело меня в ещё более мрачное расположение духа. В Сухуми мы вылезли из вертолѐта и когда Суконный спросил, как он пилотировал вертолѐт – то его все дружно обматерили. Но генерал даже не обиделся, лишь всю дорогу до штаба противно хихикал, поглядывая на наши мрачные рожи...

Часть вторая

... – Не хочу...! Не хочу туда ехать! – Сизый сигаретный дым, стелившийся под потолком рестораника «У Саши», всколыхнулся от неожиданно визгливого крика, заставив меня стыдливо замолчать. От крика вскинулся и задремавший за дальним столиком продавец оружия, испуганно лапнув свой чемоданчик с пистолетами, но тут же успокоился, увидев, что непосредственно ему и его товару крик не угрожал. Обернулись с любопытством на меня и сидевшие за соседним столиком офицеры, оглянулись, увидели что драки не предвидится и также равнодушно отвернулись.

Понизив голос, я уже почти тихим шёпотом произнёс: – Не хочу ехать и точка. Я приехал сюда отдохнуть, пожить у моря и за эти два месяца немного пришёл в себя, а теперь из-за вас меня суёт чёрт знает куда и оставшиеся четыре месяца мне придётся жить непонятно в каких условиях.

Мой тёзка, подполковник Буреев, значительно провёл пальцами по аккуратно подстриженным усам, свёл брови к переносице, отчего там образовалась глубокая впадина и также значительно произнёс: – Ну, Боря, ты тут не прав. Капитально не прав. Почему это из-за нас? Твою кандидатуру давно обсуждали и сейчас она просто утверждена. Назначали бы любого из нас – поехали бы. Чего ты на нас напрасно бочку катишь? Понятно... – не охота тебе, но мы тут ни причём...

– Вот именно, что причём... Пучите из себя, передо мной да Кокиным, великими штабниками, живёте и видите всё вокруг, как из этой бутылки, – я пощёлкал пальцем по бутылке с водкой, – всё в искажённом виде... Или делаете вид, что не понимаете почему именно меня посылают туда. Так я вам сейчас в цветах и красках, а может быть, даже в танце всё расскажу...

Дальше я возбуждённо пересказал своим товарищам во всех подробностях беседу с Командующим, от себя, конечно, кое-что добавив для пушшего эффекта.

... – Вот так-то, мужики... Вот почему посылают меня – строевого офицера, а не вас – умных академиков..., – выпустив пар, я уже пожалел, что так открыто и немного жестковато выдал информацию. Видно было, что всё, что я говорил неприятно задела моих коллег по оперативному отделу и они молчали, переваривая то что им рассказал. Но мне всё равно было обидно – завтра ехать в Зугдиди и работать там – мне, а не им. Но ещё больше удивился и уже особо не жалел о сказанном, когда услышал комментарии товарищей.

Буреев похмыкал, после чего обиженно заявил, разливая водку по рюмкам: – Блин, сколько не работаешь, сколько не пашешь, а тобой всегда начальство будет недовольно.

Паша Мошкин озабоченно заглянул в рюмку и огорчённо протянул: – Парни, сегодня ещё пью, а с завтрашнего дня недели на две залегаю на дно – то есть не пью.

Подполковник Петров, молча чокнулся со всеми, выпил водку и, закусывая, стал рассуждать: – Скоро 23 февраля..., а вчера полковник Петренко ко мне подкатил – Володя, надо начинать думать, как организовывать праздничный вечер. А Новый год...? Мы ведь с женой неплохо провели? А? Всё организовали, а какую характеристику мне дали? Вот блин, разве это справедливо? Работаешь, работаешь, а тебя ещё обосрут...

Лишь Лёха Кокин молча выпил водку и похлопал меня по плечу: – Всё нормально, Боря. Если заскучаешь там – позвони. Приеду – заменю...

После второй бутылки, все повеселели и вечер закончился как всегда....

* * *

...Застёгивая ширинку, я уже в который раз оглядел серо-зелёные и унылые окрестности Зугдиди. Зброшенные многочисленными чайными плантациями, тянувшиеся на протяжении двух километров и упиравшиеся противоположным краем в такую же унылую, серую и обшарпанную окраину города. Слева пустая, ухабистая, щебёночная дорога, которая через пол-

тора километра выходила к асфальтовой дороге, где было более-менее оживлённое движение. Вдоль щебёночной дороги заброшенный пустырь, но он оживлялся многочисленными столбами белого пара, бывший горячими, сероводородными источниками и оттуда в расположение нашего миротворческого батальона был протянут импровизированный трубопровод и теперь баня с горячей сероводородной водой здорово разнообразила наше существование на разбитой птицефабрике за моей спиной. В советское время это было крупное предприятие пищевой промышленности, которое заваливало куриными яйцами и битой птицей всё Закавказье. В каждом курятнике, которых было около пятидесяти штук, размещалось по пятьдесят тысяч курей. Высоченный элеватор, трёхэтажное здание управления птицефабрикой и остальные мощные производственные помещения говорили о былом процветании. Но прокатившиеся разруха и война поставила жирный крест на производстве и если бы не размещившийся на территории российский миротворческий батальон, то от остатков зданий и бывших производственных мощностях остались бы только каменные обломки. Сейчас на территории нашего батальона находился ещё маленький магазинчик с гордым названием «Реанимация», которым рулили бывший главный инженер и начальник отдела снабжения птицефабрики. За ней тянулся такой же унылый пустырь, потом небольшая нищая грузинская деревушка Урта и гора высотой метров 600 с таким же коротким названием. Сейчас верхушка горы была скрыта низкими, серыми облаками, предвещавшие сырую погоду. Слева от обшарпанного, трёхэтажного здания бывшей дирекции птицефабрики, в метрах ста пятидесяти, располагалась небольшая свалка, куда наряд по столовой после каждого приёма пищи солдат и офицеров сваливал пищевые остатки. Надо добавить, что грузины от всеобщей нищеты не особо кормили свою домашнюю живность, предоставив этим заниматься самим животным. И иной раз диву давался, когда видел тупую, но шустрюю от голода корову, лихо балансирующую на заборе и тянущуюся за остатками пожелтевших листьев на деревьях или роющих в мусорных ящиках в поисках остатков пищи. Поэтому худые до предела коровы, у которых от худобы даже не было видно вымени, на удивление нам объединялись в стаи, именно в стаи, и наравне с такими же тощими свиньями и наглыми от голода собаками шакалили вокруг нашего расположения. А именно около свалки. Животные чётко выучили время приёма пищи и к тому времени, когда солдаты вытаскивали в бачках отходы, коровы, свиньи и собаки подтягивались к свалке, занимая выгодные позиции, и терпеливо ждали. Как только солдаты отходили метров на двадцать от свалки, все три стаи делали мгновенно рывок вперёд и тот, кто достигал свалки первым, сразу же занимал круговую оборону. Пока самые сильные особи отбивали атаки нападавших, более слабые быстро пожирали отходы, а насытившись становились в круг обороняющихся, давая возможность теперь насытиться другим. Как это не удивительно было, но опоздавшие к пище объединяли свои усилия и дружно атаковали более удачливую стаю. Когда я это увидел в первый раз, то был очень поражён, тому как тупые и неповоротливые, в моём понимании, коровы лихо дрались с собаками и свиньями. Вот и вчера я с интересом наблюдал, как голод заставлял животных объединяться и драться за своё существование. Свиньи вчера оказались шустрее и небезуспешно отбивали атаки объединившихся коров и собак.

Прошедшие две недели, как я приехал, также не добавили мне здорового энтузиазма и я даже не увидел причин для оного. Конечно, меня ввели в курс дела. Володя Буйнов добросовестно свозил и представил меня начальнику городской полиции полковнику Мания, начальнику краевой полиции полковнику Кухалашвили, начальнику краевого управления госбезопасности грузину с русским именем и отчеством Николай Николаевичу. Завёз меня и в миссию военных наблюдателей ООН, где познакомил с главой миссии подполковником Австрийской армии Райхардом Холингером.

Поучаствовал в разборе ЧП. 11 февраля произошёл неприятный инцидент на 308 блокпосту в деревне Дарчели. Четверо пьяных грузинских полицейских заявили на наш блокпост и, наивно думая, что тот с должной готовностью согласится, предложили начальнику поста

старшему лейтенанту Кувшинову распить спиртные напитки, но тот неожиданно для них отказался. Чем здорово и до непонятно каких глубин грузинской души «обидел» полицейских. Произошла словесная перепалка, которая вылилась в стрельбу со стороны грузин. Слава богу, без потерь с обеих сторон. В ходе разбирательства с этим случаем я с Буйновым заехали и в абхазскую прокуратуру в изгнании. Где меня познакомили с руководством прокуратуры в изгнании. Надо сказать, что они оказались нормальными и адекватными мужиками, но со своими «тараканами» в голове, по отношению к Абхазии.

– Боря, не обращай внимание на их название – Абхазская прокуратура в изгнании, – мы вышли из здания прокуратуры и сели в машину, – Всё это прикрытие. На самом деле они организуют диверсии на территории Абхазии, формируют боевые группы и переправляют их туда для партизанских действий. Ведут разведку и готовят почву для вторжения в Абхазию. У них под контролем 11 партизанских баз...

Поработали ещё пару дней вместе, Володя ввел в курс существующей, обстановки и подполковник Буйнов уехал в Сухуми – служить в спокойной и нормальной обстановке, а я остался. Остался с неприятным ощущением того, что все с кем меня знакомил и сводил Буйнов, восприняли меня как досадную помеху в их совместной деятельности с бывшим начальником штаба.

Вечером того дня, как уехал Буйнов, меня к себе вызвал уже мой начальник полковник Дорофеев. Усадив напротив, с минуту молча разглядывал меня, после чего также молча налил мне и себе в кружки коньяк. И лишь после того, как мы слегка закусили начал инструктировать.

– Борис Геннадьевич, подполковник Буйнов ввёл вас в курс дела, с кем надо познакомил. Под его руководством за эти несколько дней вы ознакомились с обстановкой – и я не вмешивался. Всё это, конечно, хорошо. Обязанности он свои выполнял и к его деятельности я, в принципе, претензий не имел. Правда, мне иной раз не нравились методы его работы и чрезмерное, надо отдать должное тоже иногда, употребление спиртных напитков. Не нравилось и то, что Буйнов был человеком генерала Суконного и они вели здесь свои закулисные игры. Ну, об этом я как-нибудь, при случае, более подробно вам расскажу. Есть и другие аспекты, но это касается лишь наших личных отношений с бывшим начальником штаба.

Я приехал сюда чуть раньше Буйнова, потом его сюда направили и мы оба были без опыта. Я – командир кадрированного зенитно-ракетного полка с Чебаркуля, Буйнов тоже с войск прибыл. Ни опыта, ни соответственной подготовки оба мы не проходили. Притирались друг к другу, набивали шишки в работе, допускали грубые ошибки и к данному моменту набрали достаточного опыта, чтобы работать эффективно, но в этот момент, по моей просьбе, Буйнов был заменён.

Почему выбор упал именно на тебя, я думаю, что Командующий тебе популярно объяснил. Устраивает меня и то, что ты ничей человек: ни Суконного, ни Командующего. Независимый, хотя это может сыграть свою отрицательную роль в наших будущих отношениях. Что ж – посмотрим. Ну, а теперь о главном. Главная наша с тобой задача это быть в курсе всех событий, которые проходят на подведомственной нам территории. Не просто быть в курсе, а влиять на них и направлять в пользу России. И качать, качать информацию: не важно какая она – пусть она даже будет не важная, но она должна быть своевременной, достоверной и чтобы мы оперативно среагировали на возможное изменение обстановки и среагировали так, чтобы она повернулась благоприятной стороной к нашим Российским интересам. Работать будем следующим образом. Ты должен своей деятельностью создать образ не совсем далёкого, не совсем умного армейского вояки, который запросто может ногой открыть дверь любого кабинета и с порога орать что-нибудь несурзное. Который может хлопнуть, не морщась, стакан водки и лапануть не стесняясь за задницу любую женщину. Короче, будешь создавать вокруг своей деятельности много шума, суеты, неразберихи, забирать на себя всё внимание, а я под прикрытием всего этого шума буду втихую действовать и качать, качать эксклюзивную информацию....

Дальше последовал более детальный инструктаж как мне себя вести и как действовать.

Прошла неделя, после инструктажа: я пару раз выезжал в город, пытался наладить хоть какие-нибудь контакты, вёл разговоры в мэрии, в городской полиции, в краевой МГБ, но результаты были минимальные. А тут неудачное покушение на президента Грузии Шеварнадзе резко обострило обстановку в нашей Зоне безопасности.

16 февраля в районе города Зугдиди началась масштабная полицейская операция по задержанию вооружённой группы, члены которой участвовали в покушении. Пришлось по отдельному согласованию с ними и Командующим, запускать в Зону безопасности две единицы техники грузин: БТР №008 и БРДМ-2 №04 для поддержки полиции. На следующий день группа была нейтрализована, но из 15 человек задержано только 8 и было изъято много оружия и боеприпасов. Вроде бы операция закончилась успешно, но ощущение того, что грузины чего-то ещё ожидают, ощутимо витало прямо в воздухе. И информацию об этом ни Дорофеев, ни я добыть не могли. Причём, грузины от нас что-то тщательно скрывали. А тут обильно посыпались сообщения уже от наших блок-постов, что вдоль границы с Абхазией – засечены передвижение ночью многочисленных вооружённых групп по 3-5 человек. А у нашего центрального блок-поста №301 мною и капитаном Тетеновым днём была обнаружена свежая брошенная лёжка, из которой днём и ночью велось наблюдение за блок-постом. Поэтому у меня в это утро и было такое тоскливое настроение подстать пасмурной погоде. Информации косвенной полно, а что затевается не понятно и как на это реагировать – неизвестно. Я ещё раз оглядел окрестности, тяжело вздохнул, собираясь повернуться и идти на завтрак, как из города отчётливо донеслись звуки ожесточённой стрельбы. Опытное ухо уловило стрельбу как минимум пяти автоматов и пулемёта в центре города. Пару раз грохнул гранатомёт: это я уже услышал, когда бежал к штабу. Оперативный дежурный суетился в дежурке, подымая по тревоге дежурное подразделение. Не останавливаясь, взбежал на третий этаж и заскочил к себе в комнату, которая одновременно служила мне и служебным кабинетом, куда была заведена линии телефонной и радиосвязи. В любой момент я мог связать с кем угодно, даже с Москвой. Помимо меня в комнате проживали капитан Тетенов – сапёр и начальник связи Южной Зоны безопасности подполковник Сабуров, которые сейчас нежились в постели.

– Парни, подъём – тревога....!

– Борис Геннадьевич, а что произошло? Ты какой-то нездорово взбудораженный..., – поддел меня Сабуров, натянув одеяло до подбородка.

– Подъём, Алексей Иванович, Тетенов тоже давай шевелиться. В городе стрельба....

Подполковник Сабуров прибыл в Южную Зону безопасности больше месяца назад и подчинялся в порядке службы только полковнику Дорофееву, поэтому он вёл себя довольно независимо. Хотя Дорофеев в порядке знакомства с офицерским составом охарактеризовал Сабурова довольно нейтрально.

– Он, Борис Геннадьевич, залётчик и попал сюда из-за пьянки, как бы точнее выразиться – в ссылку. И здесь довольно часто злоупотребляет, так что возьмите его на контроль. Хотя как специалист классный.

История залёта подполковника Сабурова была по-военному простенькой, но интересной своей свежинкой. Так как он залетают – залетают редко. Он служил при штабе округа в связистах и периодически ходил дежурным по связи. И вот на этот Новый год он заступил главным дежурным по всей связи округа. Усугубил в честь наступающего Нового года сначала чуть-чуть, потом ещё чуть-чуть и остановиться уже не мог... Что уж ему там взбрело на пьяную бошку, но перед тем как закрыть за собой бронированную дверь, он по связи послал всем частям накануне 12 часов ночи сигнал «Полная», что предполагало поднятие по Боевой Тревоге всех части округа и упал спать. Пока пытались взломать дверь или достучаться до спящего дежурного, Командующему округа, спокойно встречающего Новый Год в кругу семьи,

посыпались доклады: – Такая-то дивизия приведена в ПОЛНУЮ боевую готовность... Такая-то ракетная бригада в ПОЛНУЮ боевую готовность приведена...

Дверь вскрыли, с трудом разбудили ничего не понимающего подполковника Сабурова... И вот он в ссылке. Командующий его пожалел, а так мог вылететь со службы с «волчьим» билетом.

Капитан Тетенев, здоровяк, увалень – прибыл тоже около месяца назад и тоже подчинился начальнику оперативной группы, но здесь Дорофеев переподчинил его мне. Оба офицера считали себя более опытными в этой обстановке, поэтому в общении со мной проскальзывала некоторая снисходительность, типа – мы уже всё знаем, а тебе ещё нужно доходить до всего этого своим умом. Я не обращал на это внимание, так как из своего личного, командирского опыта знал, что недели через две, ну может быть через три, они ещё бегать ко мне будут и спрашивать совета как им поступить в той или иной ситуации. Я был старше их по возрасту и по военному опыту и поэтому «поставить их в стойло» для меня было лишь делом времени.

– Борис Геннадьевич, да это грузинские полицейские опять пережрались вот и стрельбу устроили в воздух, Да и холодно в комнате, я лучше ещё немного полежу, – в комнате действительно было холодно и, даже не глядя на градусник, можно смело утверждать, что в помещении было всего +5 градусов. Единственным источником тепла у нас была обыкновенная электрическая плитка, а помещение довольно обширное, поэтому даже в тихую погоду у нас разница в температуре с улицей была в 2-3 градуса.

– Да, если считать что в центре города молотят пять автоматов, пулемёт и грохает раз за разом гранатомёт, то пьянка была грандиозная, но всё-таки что то рановато...

– Ну..., для грузин, даже пьяных – это действительно многовато, – Сабуров и Тетенев мигом выскочили из под одеял и быстро стали одеваться, я же схватил со стола одну из моторолл и стал связываться с городской полицией.

– Рапира, Рапира, я 350й. Приём.

Связь с городской полицией была постоянной, поэтому ответ, красивым женским голосом, был незамедлительным.

– 350й, я Рапира. Приём.

– Рапира, что у вас происходит? Что за стрельба?

– 350й, стреляют в районе миссии ООН, стрельба только что прекратилась и мы сами сейчас выясняем подробности. Выясним – сообщим.

Я схватил вторую мотороллу, связь с миссией военных наблюдателей ООН, она у нас тоже была круглосуточная и попытался вызвать их на связь, но в эфире слышался лишь только треск радиопомех.

– Так, ладно. Я к Дорофееву, – выскочил в коридор и через минуту был в кабинете у начальника, который тоже безуспешно пытался связаться с ООНовцами.

– Что происходит, Борис Геннадьевич? Ты хоть в курсе дела?

– Могу сказать следующее: работало как минимум пять автоматов, пулемёт и гранатомёт. По информации из городской полиции стрельба шла в районе миссии ООН. Ни я, ни вы с миссией связаться не смогли. Полиция разбирается со стрельбой и пообещала сообщить о подробностях. В принципе всё.

Мы подошли к окну выходящему в сторону Зугдиди и посмотрели на город. Стрельбы слышно уже не было, дыма от пожара тоже не наблюдалось.

– Вот чувствовал, чувствовал, что что-то должно было произойти. И грузины наверняка знали. Ну..., а раз знали, значит должны оперативно сработать, – Дорофеев отошёл от окна и вновь попытался связаться с ООНовцами, но моторолла упорно молчала.

Полковник поднял трубку и приказал подогнать БТР разведзвезда к воротам.

– Надо ехать и разбираться на месте. Борис Геннадьевич, остаёшься за меня и любую дополнительную информацию, какая придёт, сразу же мне передавай.

Дорофеев оделся и мы спустились ко мне, так как всё оружие – наши пистолеты и автоматы хранились в железном ящике у меня под кроватью.

– Чарли 2, я Чарли 1. Приём. – Внезапно захрипела в моих руках моторолла.

– О... ООНовцы вышли на связь. Чарли 1, я Чарли 2 на связи. Что у вас там происходит? Что за стрельба в вашем районе? Приём.

– Чарли 2, на миссию ООН совершено вооружённое нападение террористической группы. В ходе нападения захвачены в заложники четыре офицера миссии. Нападавшие с заложниками скрылись в неизвестном направлении. Просим вас немедленно прибыть в миссию и организовать своими силами охрану миссии и её сотрудников. Приём.

– Чарли 1, я Чарли 2, информацию принял. Выдвигаемся к вам. Будем через пятнадцать минут.

– Ну, всё Борис Геннадьевич, я помчался. Ты тут всё организовывай и связь со мной постоянная. Сообщи о происшедшем Командующему.

Через пять минут Дорофеев умчался с разведчиками в город, а я вернулся к себе в кабинет. Ни Сабурова, ни Тетенова в кабинете не было.

– На завтраке. Вот ведь надо ж – кому война, а кому мать родная. Хотя чего я их: у Тетенова минная обстановка нормальная, у Сабурова со связью всё отлично. У них всё в порядке. Это мне сейчас крутится. – Я в азарте потёр руки, – ну, вот и настоящая работа начинается, где я себя смогу показать... И должен показать....

Через пять минут доложил Командующему предварительную информацию, пообещав, как только появятся новые данные сразу же довести до него.

А вскоре на связь вышел полковник Дорофеев и рассказал, что тут произошло. Нападение произошло внезапно со стороны заброшенной чайной плантации. Атаковало здание миссии одновременно до 15ти человек, при поддержке автоматного и пулемётного огня, который играл роль психологического фактора. Двое полицейских, которые патрулировали переулок, в этот момент, отсутствовали, поэтому террористы беспрепятственно ворвались в здание и сразу захватили в заложники четверых офицеров миссии – двух уругвайцев, шведа и чеха. В течение пяти минут, насколько это было возможно, погромили здание, выскочили из него и на подъехавших автомобилях скрылись в неизвестном направлении. У здания находится всё руководство силовым блоком края и они обращаются с просьбой к миротворцам срочно прислать вертолёт в Зугдиди на центральный стадион, чтобы при обнаружении террористов высадить с него десант на путях отхода. Попросил Дорофеев также прислать и ещё один БТР с разведчиками.

Всю информацию сразу же передал к Командующему и просьбу о вертолёте тоже.

– Хорошо, Копытов, но вертолёт пригнать не можем, так как в Сухуми сейчас нелётная погода.

Дальше я рулил уже сам и приказал для охраны миссий ООН в Анаклии и в Поцхоэцери выдвинуть по одному БТР из базовых лагерей.

В 11 часов стало известно, что террористов обнаружили и блокировали в населённом пункте Джихаскари. Позднее я узнал подробности. В момент нападения, недалеко от миссии ООН проезжал на своей личной машине участковый с одной из деревень. Услышав стрельбу, он остановился и стал ждать, а увидев на большой скорости уходящие автомобили, последовал за ними и проследил вплоть до Джихаскари. Сообщил в Зугдиди, тут уж полицейские сработали чётко и через полчаса блокировали террористов в доме главы администрации деревни.

– 350й, я 351й Приём, – послышался голос Дорофеева из мотороллы.

– Я 350й, слушаю вас.

– Я вместе с ООНовцами, на их машине, убываю на переговоры с террористами. По мере поступления информации буду информировать...

На этом поток информации иссяк. Немного посидев у радиостанции, я с разрешения Командующего снизил уровень боевой готовности и наши подразделения миротворцев верну-

лись к повседневным делам. Я же продолжал сидеть на средствах связи в готовности немедленно принять сообщения и принять по ним решение. Лишь в девять часов вечера Дорофеев вышел на связь и появилась новая информация.

Террористы в количестве 15ти человек заблокированы в доме главы администрации Мегома Маргия. Вместе с ним в доме находятся его жена, двое детей и четверо заложников. В ходе первых переговоров террористы, которые относятся к партии «звиадистов», выдвинули следующие требования: Первое – переговоры лично с президентом Грузии Шеварнадзе. Второе – вывод всех российских войск и миротворцев с территории Грузии-Абхазии. Третье – обмен заложников на шестерых террористов, захваченных в ходе полицейской операции. В случае не выполнения требований первыми расстреляют двух уругвайских офицеров.

Приняв сообщение, я сразу же переключился на новостной канал телевизора и услышал стандартный набор обвинений в адрес российских миротворцев, типа того, что террористы беспрепятственно передвигается в зоне безопасности миротворцев, которые не оказывают никакой помощи в поимке террористов. И, вообще, миротворцы заняли нейтральную позицию по отношению к Грузии, но зачастую своими действиями оказывают помощь незаконным вооружённым формированиям Абхазии.... И так далее и тому подобное.

Суки, беззастенчиво вешают лапшу своему населению, пользуясь тем, что подавляющее большинство грузин даже не представляют задач поставленных перед миротворцами и какими силами мы располагали.

Я когда ехал в Абхазию, то тоже представлял, имея общую информацию о миротворцах с Балкан, из книг, фильмов, что тут чуть ли не под каждым кустом сидит солдат с автоматом и смотрит – как бы чего предотвратить, а действительность оказалась более прозаичной. В обеих Зонах безопасности с учётом офицеров, солдат, сержантов и прапорщиков было на сегодняшний день всего 1583 человека. В моей, Южной зоне, было 502 российских военнослужащих. Из них на 10 блок-постах находилось 132 человека, которые располагались на границе Грузия-Абхазия по реке Ингури на протяжении около ста километров. То есть один блок-пост в среднем прикрывал 10 километров. Причём, блок-посты вели только наблюдения в зоне своей ответственности, а это от 500 до 1 километра видимого пространства в обе стороны. Внутри зоны располагался лишь штаб батальона миротворцев и наш штаб, со всеми подразделениями и службами. Тут нас было около 120 человек. Были ещё два базовых лагеря: один в Поцхоэцери, там стояла мотострелковая рота и миномётная батарея, другой в населённом пункте Анаклия, тут тоже стояла рота и всё. Сама зона безопасности была шириной 12.5 километра и протяжённостью около ста километров, то есть площадью примерно в тысячу двести пятьдесят квадратных километров. На этой площади проживало порядка 250 тысяч человек и находилось около пятидесяти тысяч беженцев. Вот и контролирую эту зону пятистами человеками.

Через час принял ещё информацию от полковника Дорофеева, после чего вызвал на связь генерал-майора Коробко.

– Товарищ Командующий, на месте блокирования боевиков только что закончилось совещание грузинских силовиков. Принято решение: силовые методы исключить и путём переговоров сначала вытащить ООНовцев, а потом освободить гражданских. Также в Зону безопасности прибыл министр госбезопасности и с ним 17 офицеров и 150 спецназовцев. Пока они разместились на территории краевой полиции, но утром будут перекинута в населённый пункт Джихаскари. – Я замолчал, закончив доклад.

– Товарищ майор, усилить бдительность. Есть вероятность, что против миротворцев возможны террористические акты и захват заложников из их числа. Также отслеживайте количество прибывающих полицейских сил, для участие в полицейской операции по освобождении заложников.

– Понятно, товарищ Командующий. Всё будет сделано...

Я положил телефонную трубку и невольно рассмеялся, вспомнив рассказ Буйнова, как он познакомился с министром госбезопасности. Это случилось в первый день его приезда в Южную Зону Безопасности.

.... – Товарищ полковник, подполковник Буйнов, прибыл для дальнейшего прохождения службы в должности начальника штаба Южной Зоны Безопасности.

Мы минут десять просидели в кабинете у Дорофеева, после чего полковник отвёл меня на второй этаж и показал мой кабинет, где я должен работать и должен был жить. Уже выходя из комнаты, начальник остановился и повернулся ко мне: – Да, забыл совершенно. Сегодня вечером нас посещает министр госбезопасности Грузии. Вот вам первая задача: к 17:00 накрыть стол и организовать для него баню. Кто-то ему очень хорошо расхвалил нашу баню. Выполняйте.

Так простенько сказал, как будто я только этим всю военную службу и занимался. Он сказал и вышел. А я в растерянности так и сел на кровать. Это ведь не с товарищем выпить – достать банку тушёнки и бутылку водки. Выпить, а потом в баню в эту сходить. Я то своих русских министров в глаза не видел. А здесь ведь всё-таки министр госбезопасности иностранного государства. Минут пятнадцать я так в прострации сидел, Боря, на кровати и ничего не мог придумать. Решил сходить, посмотреть – Что хоть за баня такая? Баня меня не впечатлила: небольшая, грязноватая, тёмная. Но вода горячая, сероводородная... Вышел на крыльцо и задумался – ладно, сюда сейчас бойцов поставлю, вымоют и вычистят. Стены задрапирую чистыми простынями. А вот что на стол ставить и откуда это брать??? Ну..., – я не знаю? Тут подходит начальник узла, ещё старый который, и говорит мне: – Иди к грузинам в «Реанимацию», там у них всё на стол купишь. Может, ещё что-нибудь подскажут. Зашёл, потолковал с грузинами Гигло и Дориком, которые держали магазинчик.

Выслушав меня, грузины переглянулись, после чего дали совет: – Товарищ подполковник, если у вас денег нет, то мы вам дадим в долг всё чтобы накрыть на стол для министра. Потом с полочки рассчитаетесь. Можем дать совет к кому обратиться в деревне рядом и к пяти часам они зажарят поросёнка.

Командировочные за месяц, полтора миллиона рублей, мне вчера выдали в Сухуми, поэтому я сразу же рассчитался за стол и направился в деревню к Эдику, с которым тоже быстро столковался. И без пятнадцати пять стол был накрыт. Полковник Дорофеев оглядел его и остался доволен, но когда я сказал, что будет ещё и жареный поросёнок, начальник даже похвалил.

Стол был накрыт, было без десяти пять и я, стоя на крыльце штаба, начал нервничать, так как поросёнка до сих пор не было. А тут выскочил из дежурки оперативный дежурный и доложил: – Товарищ подполковник, наблюдатели с элеватора доложили: с асфальтовой дороги свернули в нашу сторону шесть чёрных джипов. Наверно, едут...

– Вот, чёрт... Неужели меня грузины с поросёнком киданули?

Я уж, Боря, стал лихорадочно прикидывать, как им сукам отомщу, но тут из-за курятников показалась торжественная кавалькада. Впереди шествовал Эдик, здоровенный грузин, весь в наколках и с громадным тесаком в волосатой лапе. Сзади него два мужика на железном шесте тащили громоздкое сооружение с вертелом и с зажаренным поросёнком среднего размера на нём. С вертелом была соединена большая чаша с глеющими углями, источающими жар и куда капал жир с поросёнка. Но впереди этого шествия летел умопорочительный дух жаренного мяса, сдобренного специями, дымком, от которого можно запросто опьянеть. Но времени на лирику не было и я возмущённо заорал: – Давай быстрее!..., Едут...

Быстро водрузили всё это сооружение около стола в кабинете Дорофеева. Грузин выгнал, а я остался и наблюдал встречу из окна. Дорофеев один стоит у ворот, за углом прячется взвод разведки в полном вооружении. Разбрызгивая грязь, лихо подлетает колонна джипов и оттуда, как горох посыпалась охрана министра, занимая оборону и прикрывая машину министра. Сме-

хота да и только: как будто на министра сейчас нападёт отряд террористов и они все падут, защищая доверенное им тело...

Да, надо сказать, что своими метаниями они чуть было не затоптали полковника. Когда телохранители закончили заполошно метаться среди луж, Дорофеев даёт незаметно сигнал и из-за угла вылетают разведчики. В течение минуты развернулись цепью, бесцеремонно и силой, помахивая и постукивая слегонца по телам охраны автоматами, оттеснили её в сторону, показав тем самым – кто тут хозяин. Двое из грузинских охранников подскакивают к дверце машины, открывают её. И оттуда появляется тело. Невысокого росточка, в длинном кожаном пальто чуть ли не до земли и стоит, недовольно оглядывая лужи, грязную щёбенку, через которые надо было идти в сверкающих штиблетах. Но оно стоит – ждёт, что к нему русский полковник подбежит на полусогнутых ногах и доложится. И будет заискивающе суетиться вокруг него – министра госбезопасности «великой», самостоятельной державы.

Но Алексей Владимирович принял мудрое решение: прошёл половину пути до министра и остановился, заставив тем самым министра самому подойти к полковнику. Дорофеев представился и они направились в штаб и через пять минут «ОНО» появилось в кабинете. Это надо было видеть. Министра чуть ли не внесли в кабинет две «гориллы». Если бы встретил мужика с таким видом в России, я бы подумал – Ну, надо ж, как обнюхался...

Вот «оно» идёт, руки полусогнутые. Под локотки бережно поддерживают охранники. Вокруг суетится то ли секретарь, то ли помощник. От дверей они его отпускают и это ху...ло идёт самостоятельно, причём, головку держит прямо и прямо смотрит даже не задумываясь, что на пути может попасться табуретка или какое-нибудь другое препятствие. И это чучело, просто может вульгарно и банально упасть. Но «оно» не смотрит, потому что для того чтобы «оно» не упало, существуют прислуживающие. Министр обходит стол и с видом «Судьбы человечества» садится наискосок от меня и, продолжая смотреть прямо, показывает пальчиком на меня и спрашивает Дорофеева, также не поворачивая к нему голову: – Это кто там сидит?

Прозвучало это, как будто он спросил: – Это чей там холоп?

Я вспыхнул и чуть не выпалил: – Кто, кто? Х...й в кожаном пальто...

Слава богу, не успел. Полковник Дорофеев спокойно докладывает: – Это начальник штаба Южной Зоны Безопасности подполковник Буйнов.

Министр кисло сморщился, но вынужден был смириться с моим присутствием. Минут десять полковник рассказывал об обстановке, но заметив, что министру глубоко «до лампочки» информация, быстро свернул доклад и предложил приступить к докладу в более неформальной обстановке.

Ну, тут всё и понеслось, через полчаса он снизошёл до общения со мной, ещё через полчаса, размахивая куском мяса он вещал мне и Дорофееву, какой он могущественный чиновник в государстве и как его слушается сам Шеварнадзе. Ещё бы полчаса и он бы выболтал все свои государственные тайны, но слава богу Дорофеев догадался, что после таких откровений нас обоих придётся физически устранить, поэтому тактично перевёл разговоры в другую плоскость и пригласил в баню, что было министром со щенячьим восторгом принято. Я туда, правда, не пошёл. Лишь утром, когда его уводили, а по совести говоря, выносили из бани, он очнулся, вскинул голову и пробормотал: – Вован, приезжай ко мне в Тбилиси – дорогим гостем будешь...

Ночь прошла спокойно и с утра, по просьбе Дорофеева, отправил к нему машину с едой для него и связистов, которые были с ним. Старшим машины уехал подполковник Сабуров, а через три часа он вернулся и со смехом рассказал.

– Борис Геннадьевич, бардак там страшный. Какое там кольцо? Какое оцепление? Может быть, кто и стоит в этом оцепление, но кругом деревни, да и по самой деревне бродят пьяные грузинские полицейские. В разных местах слышны беспорядочные выстрелы. Кто и куда стреляет – непонятно. Но у меня создалось впечатление, что стреляют спьяну в воздух. ООНовцы

боятся и из своего бронированного автомобиля даже не высовываются, а если выходят, то дальше десяти метров от машины не отходят. Не придаёт им комфорта и то, что место для машины им отвели прямо у кладбища – в десяти метрах могилы, кресты, памятники. Короче – смехота. Дорофеев ведёт себя спокойно, а ООНовцы дрожат от страха. Ночью им привезли еду из миссии и рисовую кашу в банках. Нашим тоже дали, но ни хрена не предупредили, что её надо разводить или запивать водой. Так Дорофеев чуть было не задавился ею. Не идёт каша в глотку и всё. Даже бойцы не смогли поесть. Вроде бы костёр развели и начали её подогревать, так она ещё суше стала....

– Алексей Иванович, – грубовато перебил я сослуживца, – с этим понятно. А обстановка как? Террористы...?

– Вот кто лучше всех чувствует там, так это террористы. Полиция и спецназ занял выжидательную позицию. У бандюг постепенно спало напряжение и они начали допускать в дом соседей, которые приносят им и заложникам еду. А перед моим отъездом они выдвинули новое требование, чтобы в переговорах ни ООНовцы, ни мы миротворцы не участвовали. Вот, в принципе и всё.

День тоже прошёл без изменений и без происшествий. Только группировка полицейских сил и спецназа достигла 1000 человек, а это начинало меня настораживать. В час ночи через блок-пост № 307 прошла ещё одна колонна автобусов и две единицы бронетехники – БТР и БРДМ-2. Да спецназовцев в автобусах 113 человек. Получив это сообщение с блок-поста, я сделал запись и решил прилечь и поспать.

Утром, в десятом часу от Дорофеева пришло очередное сообщение, что террористы выдвинули новое условие. Если блокирующие подразделения отведут на некоторое расстояние от дома (на какое конкретно сейчас обговаривается), то они отпустят одного заложника ООН – уругвайского офицера.

А ещё через десять минут по радиостанции наблюдатели 302 блок-поста передали, что мимо них со стороны Сванетии в сторону населённого пункта Джвари пролетел оранжевый вертолёт. Но бортового номера они не заметили.

– Борис Геннадьевич, – прервал мои размышления капитан Тетенев, зайдя в комнату, – полицейские приехали с городской полиции. Они в двухстах метрах от своего здания на берегу реки нашли выстрел от гранатомёта. Просят разминировать.

– Хорошо, езжай. Только будь осторожней и своих проинструктируй. Да, когда обезвредишь её, прежде чем взорвать перепиши её номер, партию и другие данные, чтобы особистам передать. Пусть работают.

Тетенев, забрав пистолет из моего ящика, ушёл, а я продолжал сидеть за своим столом, размышляя над сложившейся обстановкой.

Вялотекущая обстановка вокруг Джихаскари и активное наращивание полицейских сил, подразделений спецов настораживало. В зоне уже находились четыре единицы бронетехники. А на завтраке наш особист Миша, с которым у меня сразу сложились хорошие отношения, шепотом, чтобы не слышали другие, сказал.

– Борис Геннадьевич, у меня есть сведения, что Абхазская прокуратура в изгнании проводит скрытую мобилизацию среди беженцев. Они скрытно сосредотачиваются на специальных пунктах сбора, где находятся в готовности, по специальному сигналу, получить оружие и боеприпасы. Думай! Делай выводы...

Так что, в Южной Зоне безопасности из как будто разрозненных подразделений и беженцев по специальному сигналу в течение пары часов может создаться мощная ударная группировка в 5-6 тысяч человек, которая стремительным рывком из Зугдиди, может ломануться через границу и захватить город Гали. А между Зугдиди и Гали 15-20 километров. Вот это мне и не нравилось. А тут пролёт неизвестного вертолёта.

Я вызвал все блок-посты того направления и приказал усилить наблюдение и доложить как бортовой номер, так и если это возможно – где он приземлялся.

Быстро пролетели 2 часа и из города вернулся Тетенев со своей группой разминирования.

– Борис Геннадьевич, – сапёр присел на табуретку рядом с моим рабочим столом и, не спеша, из нагрудного кармана достал листок бумаги, – вот, тут все данные по гранатомётному выстрелу: номер партии, год выпуска и другая маркировка. Гранатка-то свежая и чего она не разорвалась не пойму? Воткнулась на берегу в землю и не взорвалась. Я её зацепил «кошкой» и дёрнул – не взорвалась. Поэтому привёз сюда и тут в какой-нибудь яме сейчас подорву её.

Только сапёр ушёл, как зазвонил телефон и оперативный дежурный доложил, что к нам приехал ООНовец с переводчиком. Чуть в стороне от ворот стоял белый «Лендрровер», а около него прохаживался высокий ООНовец, с грузинским переводчиком. Я сразу же вспомнил – французский наблюдатель Филибер и переводчик Георгий. Нас познакомил в первый визит в миссию ООН Буйнов. Я подошёл, представился и поздоровался.

– Какие проблемы или вопросы у вас к нам, господин Филибер? – Георгий перевёл, выслушал француза и тут же передал его ответ.

– Господин Филибер приехал сюда по просьбе своего руководства, для того чтобы ознакомиться с изменениями в общей обстановке в Зоне Безопасности, если они конечно есть.

Я первый раз принимал в качестве начальника штаба сотрудника ООН, да и вообще первый раз должен был вести переговоры и давать какую-то информацию иностранному офицеру, тем более страны НАТО.

Я уже владел некой общей информацией по раскладу военных наблюдателей в нашей миссии. Всего в миссии насчитывалось 83 офицера из 52 государств. Здесь были представлены все континенты за исключением Австралии. Были офицеры из Германии, Англии, Венгрии, Польши, шведы, норвежцы, уругвайцы, турки, швейцарец, египтяне, бангладешцы и другие. Был даже русский майор Сергей Петриков и ещё два американца. По информации, как минимум, треть были разведчиками и под прикрытием своей деятельности в миссии решали свои задачи, в том числе и сбор информации о русских в пользу своих государств. В последнее время обострилась борьба между Россией и США за то, где пройдёт трубопровод. Суть была в том, что Россия хотела газ с Туркменистана и частью азербайджанский газ запустить по трубопроводу через Дагестан, и дальше через территорию России к Новороссийску. Там по дну Чёрного моря вывести газовую трубу на Балканы и дальше в Европу. Американцы и Грузия, со своей стороны, хотели трубопровод проложить через Азербайджан, Грузию в Турцию и через неё в Европу. Мы проигрывали эту борьбу не из-за того что были слабы, а из-за нестабильной обстановке в кавказских республиках на юге России. Нестабильная обстановка в этом куске планеты, интересные векторы развития в будущем этого региона и привлекали пристальное внимание различных разведок. И Дорозееву и мне придётся в какой-то степени противостоять против подготовленных развед. структур и не только противостоять, но и успешно защищать интересы России.

Я сделал приглашающий жест и мы, пройдя через ворота, по лестнице поднялись в кабинет Дорозеева, где расселись за длинным столом друг против друга.

– Мне очень приятно приветствовать военного наблюдателя ООН в такие не простые для них дни у нас. Мы выражаем сочувствие происшедшему захвату в заложники четырёх офицеров ООН и надеемся что данная трагическая ситуация благополучно разрешится. – Я замолчал, давая теперь возможность задать вопрос или высказаться Филиберу.

– Спасибо за тёплые слова, но по просьбе руководства я приехал узнать какова на настоящий момент обстановка? Если ли изменения? – Задал вопрос Филибер через Георгия.

Я решил ответить нейтрально, вспомнив, что должен изображать небольшого ума офицера. И что самое интересное, мне не хотелось в глазах спокойного и умного француза, кото-

рый внимательно и благожелательно смотрел на меня, выглядеть оптимистическим дураком. Ладно, потом сыграю эту роль.

– Могу вас успокоить: обстановка в Зоне безопасности напряжённо-спокойная. Уровень кримиогенной обстановки в связи с проведением полицейской операции снизился до минимального. Имеются определённые элементы нестабильности, но они носят локальный характер и находятся под нашим контролем.

– Что это за элементы нестабильности и каков их характер?

В душе я чертыхнулся и мне нужно сейчас мгновенно понять в каком виде выдать имеющую у меня информацию, особенно ту, что мне довёл особист. И имел ли я право сейчас ей оперировать? Пауза уже затягивалась и я принял решение.

– Я понимаю, что операция по освобождению заложников требует сосредоточения определённых полицейских сил. И по соглашению с Грузией, с командованием Миротворческих сил России, миссией военных наблюдателей ООН и руководством Абхазии в Зону безопасности «Южная» были введены спец. подразделения, дополнительные полицейские силы, четыре единицы бронетехники. Но помимо этого у нас есть сведения о наращивание своих сил в среде абхазских беженцев абхазской прокуратурой в изгнании. В настоящее время в Зоне безопасности созданы все предпосылки для формирования, по возможно некому сигналу, достаточно мощной группировки и куда она может повернуть, я думаю, гадать не надо... А это уже нарушение четырёхстороннего соглашения по соблюдению мира в этом регионе.

Филибер внимательно слушал и я продолжил: – Поэтому мы выражаем по этому поводу беспокойство и просим вас довести это беспокойство до своего руководства. Мы надеемся, что по окончании полицейской операции миссия ООН совместно с нами предприняет все усилия, чтобы выдвинуть введённые в зону полицейские силы и спец. подразделения, а также бронетехнику. Просим вас обратить внимание на места дислокации полицейских сил абхазской прокуратуры в изгнании...

В принципе, самое главное было сказано и дальше разговор пошёл уже ни о чём, а когда визитёры собрались уходить, произошёл смешной случай. Внезапно на улице произошёл сильный взрыв и взрывной волной сорвало почти всю полиэтиленовую плёнку с окон в кабинете и наверняка не только в кабинете у Дорощеева. Я хоть и знал, что Тетенов будет взрывать гранатомётный выстрел, но не думал, что это произойдёт почти под стенами нашего штаба. Филибер с Георгием вздрогнули, сильно побледнели и вскочили со своих мест. Может быть, они и побежали бы в испуге из кабинета, но глядя на мою спокойную реакцию, медленно опустились на стулья.

– Что это произошло? – Спросил Георгий.

– Извините, я забыл вас предупредить, что мы только что уничтожили взрывом гранатомётный выстрел, который во время нападения улетел от вашей миссии к полицейскому управлению. Наш сапёр, капитан Тетенов, обезвредил его, привёз сюда и уничтожил. Так что всё нормально.

Филибер и Георгий через пять минут уехали, а я слегка пожурил сапёра.

– Тетенов, ты чего дальше не мог отнести выстрел? Рвануло так, что мои гости чуть под стол в испуге не полезли прятаться.

– А чё...? Я отошёл на пятьдесят метров и взорвал. Всё было учтено. Тротила то было всего сто грамм...

– Ну, если всё было учтено, то иди и заклеивай окна в кабинете у Дорощеева.

После того, как Тетенов, набрав кнопок, ушёл со свертком полиэтилена в кабинет Дорощеева, я задумался. Мне не нравилось затишье, которое установилась как вокруг террористов, так и в моей деятельности. Уже третьи сутки сижу у радиостанции, готовый принять мгновенное решение, даже не представляя какое, а ничего не случается. Вроде бы радоваться надо...

Но мой огромный военный и практический опыт подсказывал – что-то зреет... И надо быть настороже.

Захрипела радиостанция и я невольно бросил взгляд на часы – 16:29.

– 350й, Я 310й, Приём. – 310й был позывным начальника 301 блок-поста и я, насторожившись, взял трубку.

– 310й, Я 350й слушаю.

– 350й, от меня только что ушёл начальник грузинского полицейского поста, что рядом с нами. Он сообщил, что сегодня ночью, может быть завтра ночью, на их пост готовится нападение. Если на них нападут, то они будут отступать на наш 301й пост. Что делать?

Я с досадой плюнул на пол, чёрт побери – сглазил... Задумался на несколько секунд, после чего стал ставить задачи.

– 310й, выясни следующие вопросы: Откуда у них такие сведения? Сколько их человек на посту? Если ли у них связь и с кем? Кто на них хочет нападать? Давай узнавай эти вопросы, а я тут приму меры по твоей информации.

От 301го поста до поста грузинских полицейских было метров 250-300. Наш блок-пост располагался почти на берегу реки Ингури и прикрывал подходы к мосту через пограничную реку. На другом конце моста, это метров 400-500, располагался, 201 блок-пост Северной Зоны безопасности. На нашем блок-посту и на блок-посту «северных» находилось по тридцать солдат и по два офицера. То есть было достаточно сил для отражения первой атаки, для того чтобы продержаться до подхода подмоги. В Северной Зоне безопасности, в деревне Чибурхинджи, располагался такой же мотострелковый батальон и на помощь моим, если что произойдёт ему ходу минут десять. Мне, в случае тревоги, до блок-поста, на максимальной скорости понадобится 20-25 минут ходу. Исходя из этого, за пятнадцать минут пока начальник поста прояснял все поставленные вопросы, я уже принял решение. А информация, которую сообщил начальник блок-поста, только придала уверенности в принятом решении.

– 350й, Я «310ый». Начальник грузинского поста майор Шкория. О нападении ему сообщил его родственник, который пришёл из соседней деревни и сообщил, что ему стало известно. Нападение организуют звиадисты Зугдидского района с целью отвлечения части сил от населённого пункта Джихаскари. На посту 12 полицейских. Майор Шкория сообщил информацию о нападении в городскую полицию, но там сказали – держитесь сами, помощи не будет. Что самое интересное – грузинские полицейские больше на нас, на русских, надеяться, чем на своих. Приём.

– 310й информацию принял. В случае нападения на грузинский пост, огнём прикрывать отход полицейских на наш пост. Но будьте сами бдительными. Вполне возможно, что удар по грузинскому посту будет отвлекающим, а основной целью для них будет наш блок-пост. Сразу же после нашего с тобой разговора сообщи об этой информации начальнику блок-поста «северных» и договорись с ним о взаимодействии, а я сейчас свяжусь с их командиром батальона и договорюсь, чтобы в случае нападения он свою резервную группу кинул к тебе на помощь, а я с нашей стороны ударю. Давай действуй. Удачи тебе, связь каждый час.

Командующий был занят, поэтому информацию о нападении доложил генерал-майору Суконному и своё решение по ней. Генерал одобрил и в свою очередь «обрадовал».

– Ну, что завтра принимай гостей. Я, Буйнов и ещё пару офицеров подъедем, для оказания вам помощи. Так что готовься...

Я с «радостью» в голосе выразил благодарность, но сам чертыхнулся, когда положил трубку на стол. Только их тут не хватало. Немного подумал и, зная Суконного, решил продублировать информацию о возможности нападения полковнику Кутепову заместителю Командующего и не ошибся.

Кутепов, как всегда внимательно выслушал, и похвалил.

– Молодец, правильное решение. Давай устанавливай взаимодействие с Бондаренко, а я со своей стороны сейчас сам ещё ему позвоню и настроюлю. Командир батальона мужик нормальный, всё поймёт правильно и местничества с его стороны, типа – это у них там происходит и меня это не касается – не будет.

– Товарищ полковник, а чего это Суконный едет сюда? Какую помощь он будет здесь нам оказывать?

– Да..., Суконный и группа офицеров выезжают к вам. Они будут независимо от вас действовать, потому что нам нужно больше информации. Ты не обижайся, но сейчас от вас мало информации поступает: ты сидишь на базе, а Дорофеев у Джихаскари. Поэтому действиями группы Суконного мы несколько восполним вакуум информированности.

Последующие полчаса у меня ушло на согласование действий резервных групп нашего батальона, так и батальона майора Бондаренко. После чего я удовлетворённо откинулся на спинку стула – Ну, вроде бы сделано всё... пусть только сунутся...

Вроде бы только перевёл дух, как новое сообщение, но уже от полковника Дорофеева, вызвало у меня большое недоумение и ввергло в новый этап размышления – Чтобы бы это значило?

..... Террористы внезапно потребовали к себе в дом телевизионного оператора с аппаратурой. Вокруг дома царит суматоха, а из соседних домов к террористам местные жители тащат столы, стулья и обильную закуску. Вот что это могло значить? Я ломал голову, пытаюсь найти разгадку, наверно также ломал голову Дорофеев, там у кладбища. ООНовцы, грузинские силовики, но логического объяснения никто не мог придумать.

Машинально включил телевизор и пока телевизор нагревался, бросил взгляд на часы – через несколько минут должна начаться трансляция финального матча по хоккею между чешской командой и нашей с Олимпийских Игр из Нагано. Появилась первая телевизионная картинка местного телеканала и сразу же стала ясна причина суматохи вокруг дома террористов в Джихаскари.

Экран телевизора показал удивительную картинку: большая комната, большой и богато накрытый стол, за которым по-хозяйски расселись террористы. Скромно сидящий с краю стола хозяин дома, трое заложников и во главе стола главарь террористов Гоча Эссеуга, а рядом с ним четвёртый заложник, чех Ярослав Кулишник и все с готовностью усадились в объектив телекамеры. Бесперывно за кадром тараторил тележурналист, а объектив телекамеры поехал несколько в сторону и показал работающий телевизор.

– Сегодня же финальный матч по хоккею между Чехией и Россией. Вот и решили террористы устроить этот дешёвый спектакль.... Типа, вот мы какие смелые и храбрые – нас окружили, а хоккей смотрим... И не просто смотрим, а с уважением к Чеху, к заложникам, устроили и для них просмотр....

Давно заметил тягу большинства грузин к дешёвым понтам, поэтому ядовито перекривился, ухмыльнулся и с удовольствием посмотрел последующим за этим сюжетом финальный матч. Искренне болел и переживал все сложные моменты матча. Иной раз вклинивалась картинка из дома с террористами и я, пока всех показывали общим планом, лихорадочно пересчитывал бандюг. И получалось, что на охране дома стояло один, два террориста и вот сейчас всех их можно было разом брать. Но никто не собирался бесшумно снимать часовых и одним ударом, с минимумом риска взять всех кучей. Террористы спокойно веселились и с удовольствием болели, как это не странно за российскую команду и огорчались, когда нам забивали шайбу. Немного оживились и заложники, с удовольствием поглощая пищу и запивая её вином, но они со сдерживаемым азартом болели за чешскую команду. К сожалению – мы проиграли. Чехи оказались сильнее и после окончания финального матча главарь террористов поднялся с бокалом вина и поздравил с победой рядом сидевшего чеха, после чего выпил с заложником вино, а дальше к чеху потянулись с вином остальные бандюги, чокались с ним, с другими

заложниками и снова садились за стол. Даже на экране телевизора было видно, что они крепко податые и вели себя довольно беспечно.

На моё мнение их можно было смело брать.

Но ночь прошла спокойно и никто не дал команду «обученному и опытному» грузинскому спецназу на проведение финальной части операции по освобождению. Да и день тоже прошёл спокойно. Приехал генерал Суконный. С ним, конечно, Володя Буйнов, неизменный «адъютант» генерала и ещё пару офицеров. Расположились в нашем штабе, в комнате для гостей, побросали свои вещи и убыли в городскую полицию. Там им полковник Мания выделил отдельный кабинет и мы перегнали к ним от нас радиюку для связи с Командующим напрямую, минуя наш узел связи. А уже вечером поступило из Джихаскари первое обнадёживающее сообщение – террористы освободили первого заложника уругвайца, капитана Хулио Набак. Ну, что ж – процесс пошёл... Правда, грузины не озвучили Дорофееву на каких условиях он был освобождён.

Радовался я не долго, так как из городской полиции сообщили об обстреле группы грузинских полицейских в районе нашего 301 блок-поста неизвестными из автомата с насадкой для бесшумной стрельбы. Полицейские не пострадали, а я в течение последующих двух часов разбирался с этой стрельбой.

Ночь прошла спокойно и сегодня 23 февраля – наш, Военный праздник. И моё праздничное настроение даже не поколебало сообщение о минировании центральной школы Зугдиди. Тетенов быстро собрал группу разминирования, забрал свою сапёрную собаку и умчался в школу, а через полтора часа сообщил о ложном минировании.

Целый день я сидел у себя в кабинете у радиостанций и ждал каких-нибудь сообщений и грустил, вспоминая каждый праздник 23 февраля – как праздновал, как веселились. Наиболее яркие воспоминания были связаны с 23 февраля 1978 года, когда проходил службу командиром второго огневого взвода гаубичной батарее в Германии и мы праздник встречали на полевым выходе на полигоне Ютербог. На краю лагеря была расставлена большая палатка, накануне скинулись деньгами и к вечеру в палатке был накрыт богатый стол с обильной выпивкой. Много было тостом, песен под гитару. Смеха... Чего-то не поделив, сцепились между собой командир третьей батареи капитан Евминов и его командир взвода Боря Мусин, о голову которого комбат вдребезги разбил гитару и мы со смехом и шутками сначала растащили их в стороны и потом долго мирили, пока они не упали мертвецки пьяными, а утром не могли ничего вспомнить. Осталось даже несколько хороших, качественных фоток той офицерской пирушки. Вспомнился и 23 февраля 1988 года. Я уже был начальником разведки одного из учебных центров на Кубе. Вытащили столы на улицу перед домом, женщины быстро накрыли их заранее приготовленными и закупленными закусками. Вместе с семьями, с детьми, всем составом учебного центра дружно расселись. В нашем учебном центре тогда служил прапорщик, командиром взвода обеспечения и он был единственным среди нас, который повоевал в Афганистане командиром взвода. Правда, я не знал каким взводом он там командовал, то ли хозяйственным, как у нас, то ли строевым? Ходил ли он в рейды или отсиживался в базовом лагере? Не знаю. Хотя если судить по его внешности и как он здесь зарекомендовал себя – то вряд ли... Обычный тыловой прапорщик. Поговаривали, что он даже награждён орденом «Красной Звезды», но так ли это точно никто тоже не знал. Но всё-таки он служил два года в Афгане, что-то там видел, что-то пережил и наверно имел определённый боевой опыт, но справедливости ради надо сказать – никогда не кичился этим. А мы не были там и ничего не имели. Поэтому он заслужено воспринимал многие тосты, поздравления, обращённые к нему как к единственному среди нас боевому военнослужащему. По жизни у меня было и есть много принципов, которых я твёрдо придерживался, и один из них – «Сам не напрашивайся, но если посылают – езжай». Когда начинался Афган, я ещё служил в Германии. Срочно начали формировать сводные подразделения для отправки в их в Афганистан. Стали выдёргивать офицеров и прапорщиков, среди

которых было много моих товарищей и сослуживцев. Ждал вызова и я, но сия чаша миновала меня. Почему не предложили мне ехать – не знаю? Я ведь был хорошим командиром взвода и пользовался авторитетом не только среди сослуживцев, но и у командования части. В Союзе, когда служил в Свердловске, несколько раз был в шаге от того, что меня вот-вот пошлют, но не суждено было. Всегда в последний момент что-то у командования не складывалось, или ещё что-то мешало им принять решение и мне отказывали, или посылали другого. Я же по своему активному характеру, воспитанный на советских книгах и фильмах о войне, довольно близко принимал к сердцу этот пробел в своей военной биографии...

Поэтому сидел за столом напротив прапорщика, смотрел на него и думал: – А как я себя поведу в боевой обстановке? Сумею ли чётко оценивать обстановку и быстро принять правильное решение? Как буду командовать солдатами? И пойдут ли бойцы за мной?

Кто бы мне тогда сказал, типа такие слова: – Боря, да чего ты тут переживаешь? Пройдёт всего три года и развалится Советский Союз... По территории бывшей страны прокатится волна войн... А ещё через три года, именно 23 февраля ты, Боря, примешь бой во главе своей противотанковой батареи... Примешь бой с танками противника и выиграешь его. И примешь его ни где-то на территории иностранного государства, а в России.

Да..., если бы кто-то мне сказал об этом.... Да, я рассмеялся бы тому человеку в лицо. Вспоминал и 23 февраля 95 года, как в тот день вступил в бой с танковой колонной и чем он для меня закончился. Бой–то я тогда выиграл вчистую – уничтожил два танка, БМП и двенадцать человек, только вот последствия выигранного боя были для меня плачевными. Немножко выпил, вспоминая, как на следующий день меня расстреливали, там же на месте боя, как потом пережил три покушения. Погрустил, потом бесшабашно махнул рукой: – А, ладно... Это было три года назад и всё в конце концов закончилось благополучно. С праздником Мужики....

Не знал я тогда, что через два года, тоже 23 февраля 2000 года, я буду разворачивать свою артиллерию у одного чеченского селения, чтобы отразить нападения боевиков с двух сторон. Но это будет тоже через два года и я, сидя за столом, грустил, вспоминая свои 25 лет военной службы.

Эти два дня 23 и 24 февраля прошли в целом спокойно, в какой-то мелочной суете, в решении незначительных задач и проверке сомнительной информации, которая поступала постоянно с разных сторон и разных источников.

В основном она касалась абхазской стороны: то вдруг появилась информация о приведении в боевую готовность батальона абхазов в Очамчире и сосредоточении призывников в Гальском военкомате. То о ведении инженерных работ на том берегу, о новых позициях для миномётчиков... и так далее и тому подобное. В основном информация не соответствовала действительности, но и абхазы в свою очередь, тоже не сидели сложа руки.

25 февраля в 1 ночи из штаба ООНовцев по моторолле сообщили об освобождении следующего заложника, шведа, майора Мартина Молгара и что к 15 часам дня ожидается освобождение остальных заложников, но о каких-либо подробностях как об освобождении шведа и освобождения других было неизвестно.

Мы как будто оказались в информационном вакууме: грузинские силовики с генералом Суконным, полковником Дорофеевым, да и с самой заинтересованной стороной – ООНовцами информацией о ведении переговоров с террористами не делились и приходилось эту информацию добывать практически по крупицам. А та информация, которая попадала к нам, была довольно интересная и давала обильную пищу для размышления. Причём, такую что можно было бы смело заявлять, что нападение на ООНовцев, похищение – всё это было совместно заранее спланированной акцией силовиков и террористов, которая вполне возможно могла дать толчок к дальнейшим, обвальным, негативным событиям. Но об этом не хотелось думать и мне приходилось лишь принимать сообщения, которые после обеда вдруг внезапно посыпались как из разорванного мешка.

14:08 Один из заложников, чех Ярослав Кулишик, стащил у террористов мотороллу, попросился в туалет и оттуда сумел по ней связаться со своими. Доложил, что обстановка у террористов резко обострилась. Они о чём-то постоянно совещаются и нервничают.

14:30 Пришло сообщение от Дорофеева о том, что освобождение остальных заложников затягивается предположительно до утра следующего дня.

15:00 В нашу радиосеть влезли посторонние абоненты и на ломанном русском языке начали общаться между собой. Это было для нас неприятным сюрпризом. Сразу же поднял «на уши» узел связи, подполковника Сабурова и приказал им сделать всё, чтобы исключить дальнейшее проникновение в нашу сеть.

17:00 Неожиданно для всех террористами был освобождён третий заложник, уругваец капитан Ролан Гарсия.

17:30 Освобождён четвёртый заложник, чех Ярослав Кулишек. Это сообщил по радиостанции Володя Буйнов.

17:35 ООНовцы подтвердили это сообщение, но только добавили, что чех сумел бежать через окно в туалете из дома и сейчас находится в двух километрах от населённого пункта Джихаскари. Двигается в направлении какой-то реки, чтобы там спрятаться и дожидаться темноты.

Хм... – Я задумался. Что-то тут не клеится... Когда захватили заложников, то я попросил особиста Мишу охарактеризовать, по возможности конечно, каждого из захваченных ООНовцев. Так вот, только швед более-менее тянул на решительную личность, способную в такой критической ситуации сделать неожиданный ход. Остальные – два уругвайца, как мы русские говорим – «просто ни о чём». Никакой ценности они как военные и как ООНовцы не представляли – как это ни цинично об этом говорить. Чех – Ярослав Кулишик, вообще, по словам особиста, размазня, мягкотелый, безвольный и толстый... Так что от чеха нельзя было, по идеи, ожидать таких решительных действий. Поэтому – ну просто этого не может быть.

17:40 – «Алтаец» (это был позывной Буйнова), Я, «Лесник 51» (это уже мой, с Чечни позывной). Приём.

– «Лесник 51, Я «Алтаец» на приёме. – Радиоканал был закрытый, поэтому можно было говорить в открытую.

– «Алтаец» – подтверди информацию по освобождению чеха. Что-то тут не сходятся концы с концами...

– «Лесник 51», две минуты назад стало известно следующее от полицейских. Главарь террористов Гоча Эссеуга предоставил чеху «коридор», по которому тот и ушёл.

– Ну, тогда всё понятно. Самому ему убежать духу бы не хватило...

18:05 Ещё одно сообщение от полиции. Гоча Эссеуга скрылся из окружённого дома в неизвестном направлении.

18:30 Буйнов уточнил, а эти сведения были уже от одного из офицеров краевого министерства госбезопасности. Гоче Эссеуга и ещё двум террористам был предоставлен коридор, по которому те благополучно ушли из окружённого дома...

– «Лесник 51» – послышался возбуждённый голос Буйнова, – ну, тут и маразм. Несколько минут тому назад привезли трёх арестованных террористов. Арестованы, но они с автоматами. Подвезли на машине к крыльцу МГБ и там их, представляешь, встретили объятиями. После чего все зашли в здание госбезопасности. Я попробовал пройти в здание, но меня не пустили. А через некоторое время вышел один из террористов с автоматом в руке и на машине МГБистов укатил в Джихаскари, уговаривать других сдаваться. «Лесник 51» – вот что хочешь то и думай...

18:40 «Рапира 10» вышла на связь и сообщила, что четвёртый заложник, чех, подобран полицейскими и привезён в полицейское управление Зугдиди.

18:45 Вышли на связь ООНовцы и попросили подтвердить, что чех находится в полицейском управлении города. Я, ссылаясь на сообщение грузинской стороны, подтвердил информацию. ООНовцы отключились, но через пятнадцать минут вновь вошли в связь со мной и сообщили мне, что информация по чеху неверна. Ярослав Кулишик оказывается в 18:50 вновь вышел на связь и сообщил, что он находится в трёх километрах от Джихаскари, но в каком именно месте не знает. Он закопался в грязь в придорожной канаве около какой-то дороги и боится оттуда вылезать, хотя видит что на дороге патрулирует полицейская машина. Он очень напуган и боится, что полицейские его задержат и отдадут обратно террористам....

Я, пообещав разобраться в данной ситуации, отключился и выматерился. Ну и ссыкло.... Всё правильно, этой размазне Гоча Эссеуга наверно дал под зад и просто взащей вытолкнул его из дома, зная что ему вот-вот дадут коридор ... Блин, Европа сраная...

19:03 – «Рапира 10», Я «350й». Всё-таки подтвердите – чех Ярослав Кулишик у вас или нет?

– «350й» к сожалению нам подсунули дезинформацию. Чеха у нас нет и нет информации о его местонахождении, – прощebetала милым женским голосом радиостанция. – Я плюнул с досады и сообщил об этом в миссию ООН.

21:50 Наконец-то чех найден и находится в миссии ООН в безопасности. А ООНовцы по радиостанции попросили меня не снимать охрану с их штабов, которые охраняли вместо грузинских полицейских наши солдаты. Я успокоил их – пока обстановка не нормализуется – мы их будем охранять.

22:15 Пришло сообщение от Буйнова, что задержано 6 террористов и их привезли в краевое МГБ.

Я откинулся на спинку стула, закинул руки на затылок и сладко потянулся, прогнувшись с удовольствием максимально назад. Устал..., очень сильно устал.... Как ни крути, а за шесть суток поспал в общей сложности часов десять. Остальное время бодрствовал около радиостанции в готовности принять любое сообщение и тут же среагировать на него. И принимал, принимал решения, ответственность за которые полностью ложились на меня. Да, было сложно, трудно и не имея в таких делах опыта, можно было спокойно «включить дурака» и уйти в сторону. Последствия для меня в этом случае были бы минимальные. Ну..., высказали бы сожаления что майор не справился..., не потянул..., не оправдал возложенное на него доверие.... Вернули бы обратно на должность оперативного дежурного... Да и всё.... Естественно упал бы мой авторитет в глазах Командующего, генерала Суконного, в глазах ряда полковников из числа замов командующего. Ну и что? Кто такой для меня Командующий – генерал-майор Коробко? Очередной генерал, которого забуду на следующий день, как уеду из Абхазии. Но..., я уважаю генерала Коробко и мне, тоже если честно говорить, не безразлично его мнение обо мне. Но, тем не менее, Командующий МС в зоне Грузино-Абхазского конфликта лишь краткий эпизод в моей военной карьере. Генерал Суконный? Так я его и сам не уважаю, поэтому его мнение мне вообще «до лампочки».

Полковники, замы командующего – это отдельный разговор. Меня гораздо больше в этом случаи волновало бы мнение моих сослуживцев – звена подполковник-майор. И если бы они ко мне после моего «ухода в сторону» отнеслись с презрением, вот это было бы гораздо болезненней для моего самолюбия, чем то, что меня в течение месяца на каждом совещании полоскали.... Но прошёл бы месяц, другие проблемы, задачи заслонили мой проступок и я дальше служил бы нормально и спокойно.

Я ещё раз сладко потянулся, запрокинув голову назад, и чуть не перевернулся вместе со стулом. Меня спасло от смешного падения тем, что в последний момент носками ног с грохотом упёрся снизу в крышку стола. Замер и ещё раз, но уже осторожно потянулся....

Нет...., я другой. Недаром в моих служебных характеристиках мои начальники писали следующую формулировку: – ...способен в сложные и критические моменты принимать смелые и рискованные решения и брать на себя ответственность за последствия этих решений....

Можно, конечно, лечь прямо сейчас спать, тем более что всё закончилось благополучно и честно заслужил отдых. Но всё-таки я из другого теста. Мне нужны были подробности и немедленно...

Быстро накрыл стол, куда выставил спиртное, сходил в «Реанимацию» подкупил колбаски, ещё закуски и заказал яичницу яиц на 20 с разными разносолами. Всё это принесут ко мне, когда позвоню.

Через пятнадцать минут в комнате появились капитан Тетенов и подполковник Сабуров, которые с энтузиазмом присоединились к моим приготовлениям. Ко всему тому, что я приготовил: Тетенов метнулся к своим сапёрам и притащил оттуда большую тарелку с жареным мясом, а Сабуров из узла связи принёс половину кастрюли солёной капусты, от вида которой у нас всех потекла обильная слюна. Мы быстро расположились за столом и приняли первые пятьдесят грамм коньяка, после чего усиленно заработали челюстями, особенно налегая на капусту, щедро сдобренную острыми специями.

В первом часу ночи появился подполковник Буйнов. Тетенов и Сабуров к этому времени уже спали в своих кроватях, поэтому когда Володя сел, выпил добрую порцию коньяка и стал рассказывать, закусывая горячий, принесённой из «Реанимации» яичницей, нам никто не мешал.

– Боря, вот я, да и ты не имеем опыта по освобождению заложников.... Но думаю, что если бы это происходило на самом деле, то было бы море нервотрёпки, лихорадочной суеты, беготни. Принималось бы куча бестолковых решений, которые тут же бы и отменялись.... А тут...., тишина. Спокойствие. Все ходят как слоны и такое впечатление, как будто все, от последнего опера до министра госбезопасности знали – Всё Закончится Благополучно.

И вакуум информации, как всё равно кран перекрыли. Ладно они ООНовцам, полковнику Дорофееву ничего не говорили.... Боря, только между нами...., тебе эта информация не помешает. Основная информация и интересная, которая заслуживает внимания, есть только у МГБэшников и у Абхазской прокуратуры в изгнании. У городской полиции и у краевой есть лишь общая, довольно специфическая информация.... Да, у них можно узнать нормальную информацию о криминальной ситуации в регионе, в городе. Ну...., там дадут более-менее какую ту конкретику по тому или другому случаю, происшествию в Зоне Безопасности. Да и всё... Полковник Мания погряз в своих проблемах в городе, а Кухалашвили.... Помяни моё слово, но его скоро снимут. Поэтому ему не до службы – как бы самому удержаться. Так вот, Дорофеев не пользуется у них у всех авторитетом и с добыванием какой-либо информации у него проблемы...., слушай, а чего мы сидим, базарим? Ну-ка, давай ещё хлопнем по рюмашке.

Володя быстро разлил коньяк и мы, чокнувшись, с удовольствием выпили и дружно полезли вилками в тарелку с капустой.

– Так вот, продолжаю: Дорофеев качает информацию в другом месте. У нас с ним так сразу сложилось, что я брал информацию у силовиков, а он у полковника Ошкерелия.... Да, кстати, ты ещё с ним не познакомился?

Я отрицательно качнул головой и плеснул грамм по пятьдесят коньяка в кружки.

– Будь осторожен с ним.... Редкостная сволочь, – Буйнов выпил коньяк и осуждающе покачал головой, – я так и не смог с ним сойтись. Ниже меня на две головы, толстожопый, понторылый, как и все грузины, которых где-то там прислонили к власти. Как же.... Главный грузинский военный наблюдатель. Блядь – шишка на ровном месте. Хотя он артиллерист и ты тоже артиллерист... Так что, может быть на этой почве и законтачишь с ним? Да, конечно, полковника Дорофеева принимают в этих кабинетах, отдают должное его должности как Начальнику Южной Зоны Безопасности, как главному миротворцу тут от России, но информации с

гулькин член. Так что мне пришлось с кем-то выпить, с кем-то погулеванить по саунам. Да... , пришлось и информацией кой-какой поделиться. Наладил контакты, пошла неплохая информация. Да... Так и я, даже по своим старым связям, никакой информации не получил. Попробовал сыграть на вражде между краевой МГБ и городской – тоже голяк. Все ходят, такие важные и как будто в рот воды набрали... Что там у них происходит – ни хрена не понять и не узнать. Так, Боря, я к чему это тебе рассказываю? Чёрт, выпил то ничего, а нить разговора уже потерял... Устал наверное...

Я засмеялся и вновь разлил очередную порцию коньяка: – Давай, Володя, за нить эту... Чтоб не терять её... Чтоб эта нить куда положено... Нам, нас привела. А рассказывал ты про то, как информацию не мог добыть.

Володя радостно заржал и также жизнерадостно выпил коньяк.

– Точно, Боря, что-то закосел я быстро. Так вот. Привозят они задержанных террористов. Хотя бы для вида автоматы у них забрали... Ни хрена, и тут же у крыльца МГБ начинают обниматься, лобызаться, как давние кореша. Ёлки-палки!!! Когда они зашли в здание, я тоже было сунулся за ними, но меня так вежливо, под ручки и в сторону. Вован, говорят, не положено... там у нас свои дела. Ну, я типа – конечно, всё понимаю и делаю вид что к своей радийке пошёл, а сам в здание городской полиции и через чёрный ход, где оба здания торцами соединяются, пробрался в МГБ. Сунулся в один, второй, третий кабинет – никого. А в четвёртом все они друженько сидят за столом и с террористами шампанское пьют – даже меня не стесняются...

Ну, что? Поглядел я на это блядство и ушёл. Как говорится – комментарии излишни. Так что, Боря, мы завтра уедем, а ты тут это дерьмо расхлёбывать будешь. Поверь мне, я всё-таки тут три месяца прослужил – это не конец какой-то там локальной операции. Это только начало, причём более солидной. Так что, давай выпьем за твою удачу – она тебе понадобится. И спать – устал я.

Утром проснулся отдохнувшим. Бодренько поднялся, привёл себя в порядок и после завтрака поднялся к полковнику Дорофееву. Он вчера вернулся из Джихаскари и как только получил сообщение о том, что чех находится в миссии ООН, сразу же лёг спать. Сели за стол и обменялись информацией по итогам минувших событий. А итоги следующие:

Заложники освобождены. Потерь среди террористов и полицейских сил нет. Задержано 12 террористов, трое ушли. Захвачено много оружия и боеприпасов. К настоящему времени из Зоны безопасности в сторону Тбилиси через блок-пост 307 проследовало два автобуса «Икарус» со спецназовцами в количестве 100 человек.

Главная задача, которая стоит перед нами на эти дни – это проследить за выводом силовых подразделений и бронированной техники, которая зашла в Зону Безопасности и усилить контроль за деятельностью Абхазской прокуратуры в изгнании. Она в эти дни ушла в тень основных событий и развила бурную деятельность в среде беженцев. Неплохо было бы получить более подробную информацию.

– Борис Геннадьевич, – мы закончили обсуждение дальнейших задач, – ты, давай бери машину и проскочи в город, на рынок, может ещё куда... Погляди, поговори, покачай информацию, послушай о чём народ говорит. Надо держать «ушки на макушке»: покушение на Шеварнадзе, полицейские операции – здесь у нас, захват заложников – это цепочка. И самое хреновое, что где второй конец этой цепочки – ни черта не видно. Мне кажется, что спокойные деньки закончились и нам придётся потрудиться и очень потрудиться. Нам надо сейчас работать на опережение. Так что езжай, заодно развеешься, а то ты тут семь дней просидел, а я сегодня отдохну. Что-то себя не особо чувствую – тоже очень устал.

Мне до того осторчетела за эти дни наша база, что, сунув в боковой карман куртки пистолет, по карманам рассовал запасные магазины с патронами и через десять минут уже тряся в автомобиле по щебёночной дороге к выезду на асфальт. Выскочили на асфальтированное шоссе, свернули направо и помчался в город. Через пять минут езды, справа промелькнуло

здание штаба главного военного наблюдателя от Грузии полковника Ошкерелия. Лично меня с ним ещё не знакомили, но издали показывали и я сейчас его наблюдал на крыльце штаба в кругу своих подчинённых, с которыми он что-то бурно обсуждал, оживлённо жестикулируя руками. Увидев мою машину, они прекратили разговор и долгими взглядами проводили ГАЗ-66.

Я уже несколько раз ездил по этому маршруту, поэтому знал, что ещё через километр, тоже справа, будет большое, в несколько этажей, квадратное здание краевой полиции.

– Ага, вот и оно. Так во дворе краевой полиции стоит БРДМ-2 № 04.

Проехав ещё метров пятьсот, въехал на перекрёсток двух больших улиц. Если свернуть влево, то через триста метров можно подъехать к Абхазской прокуратуре в изгнании, а справа начиналось большое и богатое, по русским меркам, кладбище – всё уставленное высокими мраморными памятниками и скульптурами умерших в полный рост. Я хотел проехать прямо дальше в центр города, но бросив мимолётный взгляд в сторону прокуратуры, резко рявкнул водителю команду: – Соколов, влево сворачивай..., быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.